

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Под редакцией *Д. В. Покатова*

Саратов
Издательство Саратовского университета
2020

УДК 316(075.3+075.8)
ББК 60.5я72+60.5я73
Х91

Авторы:

Д. В. Покатов, д-р социол. наук, проф. (предисловие, тема 6); О. Г. Антонова, д-р социол. наук, проф. (тема 7); М. Б. Аракчеева, канд. филос. наук, доц. (тема 3); Т. А. Калугина, д-р социол. наук, проф. (тема 1); И. А. Карелина, канд. социол. наук, доц. (тема 2); Т. Н. Кошелева, канд. социол. наук, доц. (тема 8); А. Д. Крахмалева, д-р ист. наук, проф. (тема 4); Н. В. Шахматова, д-р социол. наук, проф. (темы 5, 9)

Хрестоматия по истории западной социологии / под ред. Х91 Д. В. Покатова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2020. – 100 с. : ил. – Имеется электронный аналог.

ISBN 978-5-292-04674-5 (print). – Текст непосредственный.

ISBN 978-5-292-04675-2 (online)

В данной книге представлены тексты ведущих западных социологов, являвшихся как родоначальниками социологической науки (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето, Г. Моска), так и продолжателями славных традиций классической социологии, её творцами на современном этапе общественного развития (Д. Г. Мид, А. Шюц, Г. Гарфинкель, Т. Лукман, П. Бергер, Ч. Х. Кули, Г. Блумер, Ж. Бодрийяр, З. Бауман). Для облегчения понимания идей, изложенных выдающимися западными социологами, авторы приводят краткое изложение взглядов и концептуальных подходов, направлений, к которым принадлежали западные социологи, чьи произведения представлены в хрестоматии. Приводятся также их краткие биографии. Издание соответствует общей программе курса истории западной социологии.

Для студентов и аспирантов.

Рекомендуют к печати:

научно-методическая комиссия социологического факультета
Саратовского национального исследовательского государственного университета
имени Н. Г. Чернышевского
доктор социологических наук, профессор *О. В. Понукалина*

*Работа издана по тематическому плану 2020 года
(утвержден Ученым советом Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского,
протокол № 1 от 16 января 2020 года)*

УДК 316(075.3+075.8)
ББК 60.5я72+60.5я73

Работа издана в авторской редакции

ISBN 978-5-292-04674-5 (print)
ISBN 978-5-292-04675-2 (online)

© Саратовский университет, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социология является молодой (в сравнении с историей, философией, психологией) отраслью гуманитарного знания, которая возникла в 30–40-х гг. XIX века. Однако несмотря на это за время своего развития она превратилась в самостоятельную науку со своими традициями, принципами, парадигмами и методами.

Предлагаемая вниманию читателей хрестоматия содержит фрагменты из текстов произведений как ученых, стоявших у истоков создания социологической науки (прежде всего О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето, Г. Моска), так и продолжателей славных традиций классической социологии, её творцов на современном этапе общественного развития (Дж. Г. Мида, А. Шюца, Г. Гарфинкеля, Т. Лукмана, П. Бергера, Ч. Х. Кули, Г. Блумера, Ж. Бодрийяра, З. Баумана).

Представленные в хрестоматии работы социологов показывают сложный, порой достаточно драматичный путь развития социологии – от науки, которая должна была заимствовать от естественных наук их экспериментальную точность, рациональность, до дисциплины, воплощающей в себе и, по сути, синтезирующей практику развития гуманистической мысли в её не абстрактном, но реальном, социально-типичном виде. В этом плане она несколько отходит от методологических постулатов индивидуализирующих наук, претендуя (в лучшем смысле этого слова) на статус генерализирующих наук.

При этом само развитие истории социологии – это не только последовательное движение непосредственно социологической мысли, борьба разных научных направлений и парадигм, но и жизнь и деятельность самих создателей научных социологических школ, направлений, творцов данных идей и концепций.

Современный социолог, претендующий на статус профессионала, должен не только быть знаком с базовыми работами основоположников социологии и современных ученых, но и свободно ориентироваться в идеях, развиваемых ими в своих трудах, иметь представление о их жизненном и творческом пути.

Для облегчения понимания идей, изложенных выдающимися западными социологами, предложена следующая структура тематических бло-

ков хрестоматии: вопросы и ключевые слова, предваряющие краткое содержание идей ученого или направления, к которому принадлежали западные социологи. Далее идет «Страничка биографии» и затем фрагменты текстов произведений социологов.

Авторы отдают себе отчет в том, что в книге собраны лишь избранные страницы их жизни и лишь избранные труды и фрагменты из них. Тем не менее, они дают, по мнению составителей хрестоматии, представление об основных этапах сложной и противоречивой эволюции западной социологии.

ТЕМА 1. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЗИТИВИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ О. КОНТА

1. *Принципы и структура позитивистской социологии О. Конта.*
2. *О. Конт о сущности социальной статике и социальной динамики.*

Ключевые слова: позитивизм, социология, социологический метод, социальная статика, социальная динамика.

1. Социология как наука зародилась в XIX веке. Основоположником является французский ученый О. Конт, который вошел в историю как родоначальник позитивизма в социологии. Основные труды –принесший ему наибольшую известность «Курс позитивной философии», в 6 томах, «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества».

Огюст Конт (1798–1857 г.) – французский философ, социальный реформатор, основоположник социологии, основатель школы позитивизма.

Отделение науки от метафизики и теологии, создание «научной Библии» будущего – такова основная идея позитивного метода Конта.

Свидетель и современник весьма драматичных и противоречивых последствий, которые принесла Европе Великая французская революция, Конт тяжело переживал состояние политической неразберихи, экономического хаоса, социальной поляризации, в которое периодически погружалась Франция первой половины XIX века – в стране одна революция следовала за другой. По мысли Конта, социология должна была противопоставить радикальным теориям революции социологическую теорию, позволяющую проводить изменения в обществе эволюционным путём, сглаженно, учитывая общественные факторы и интересы всех социальных групп.

Таким образом, с самого начала своего развития социология выступила теорией эволюционных изменений в обществе, лишенных «изломов», социальных катаклизмов, «анархии умов». Позиция Конта в социальной теории была обозначена им же самим как «позитивистская», т. е. делавшая упор не на радикальной революционности и низвержении существующих структур, а на их «позитивной» перестройке. Позитивная стадия развития общечеловеческого интеллекта, по мысли Конта, венчает эволюцию

человечества в целом – это есть стадия овладения наукой социального познания и социального управления.

Человек огромного теоретического научного дарования, Конт отличался большой оригинальностью жизненного стиля и мышления. Он провозгласил своим руководящим принципом принцип «умственной гигиены», заставлявший его полностью игнорировать все научные публикации, кроме собственных, дабы не засорять ум лишней бессмысленной информацией.

Основной и первоначальной действительностью, из которой должен исходить исследователь, доказывал учёный, является общество, взятое в целом. И в качестве общего предмета социологии он рассматривал именно глобальное общество.

Во взглядах Конта имеются зачатки системного подхода к общественной жизни. Так, в основу построения социологии как самостоятельной науки он положил идею «социальной системы», т. е. понимание общества как своего рода организма, определенной целостности, элементы которой выполняют специфические функции и служат требованиям этой системы. Диалектический подход также не чужд Конту. Его статика и динамика изучают действие, законы функционирования и развития общества. Однако Конт не понимал реальной диалектики социальных элементов и структуры и рассматривал элементы социальной жизни как простые, вечные и неизменные, а общественное развитие – как результат разных комбинаций одних и тех же элементов.

В своих работах Конт отказался от анализа многообразия конкретных форм исторического развития народов, приводя в качестве доводов только те факты, которые подтверждали сконструированную им схему. В итоге его теория общественного развития осталась не более чем метафизической, умозрительной схемой.

Конт считал, что с помощью науки можно познать скрытые законы, управляющие всеми обществами. Такой подход он назвал первоначально социальной физикой, а затем социологией (т. е. наукой об обществе).

В силу того, что социология родилась позже других социальных наук, она и должна, по мнению Конта, изучать то, что ими не изучается, т. е. общество в целом, общественную структуру, социальные явления во взаимосвязи со всей общественной жизнью.

Социология в представлении Конта должна исходить из трёх основных принципов: эмпиризма, позитивизма и физикализма.

«Эмпиризм, – писал он, – означает, что единственным источником истинной науки о мире является опыт... Позитивизм – что предметом его являются только факты... Физикализм – что самыми совершенными

понятиями являются те, которые создала физика, и что к ним можно и нужно сводить все научные знания»¹.

Социология, по мнению Конта, должна заимствовать у физики и других естественных дисциплин их наглядный, убедительный характер, объективность, проверяемость (верифицируемость). Он выделял четыре метода социологического исследования: наблюдение, эксперимент, сравнение и исторический метод. Из них наибольшее распространение в социологии XIX в. получили исторический и сравнительный методы. Наблюдение и эксперимент стали использоваться для социологического анализа общества лишь в XX в.

Конт стремился выработать рациональный подход к изучению общества, основу которого составили бы наблюдение и эксперимент. По Конту, такой подход, часто называемый позитивизмом, обеспечит практическую основу для нового, более устойчивого общественного порядка.

2. Позитивистскую социологию Конта составляют две основные концепции. Одна из них – социальная статика – раскрывает взаимоотношения между социальными институтами. Согласно Конту, в обществе, как и в живом организме, части гармонично согласованы между собой. Но, будучи уверенным, что обществу в большей мере присуща стабильность, Конт проявлял такой интерес к социальной динамике, к процессам социальных изменений. Краеугольный камень контовской социальной динамики является одновременно и историческим, и логическим законом: три стадии развития человеческого ума соответствуют трем стадиям развития общества – теологической, метафизической и позитивной (научной).

Содержательную сторону этапов Конт раскрывал следующим образом: теологический, когда в обществе господствуют религиозные представления, метафизический, означающий ведущую роль философии в духовной жизни, позитивный этап характеризуется главенствующей ролью науки. При этом научные знания применительно к решению общественных проблем служат основой социальной политики. Изучение социальной динамики важно, так как она способствует реформам и помогает исследовать естественные изменения, происходящие в результате распада или переустройства социальных структур. На основе этого разделения Конт обосновывал органическую связь порядка и прогресса.

Две идеи, берущие начало в работах Конта, просматриваются в ходе развития социологии: первая – применение научных методов для изучения общества, вторая – практическое использование науки для осуществления социальных реформ.

Термину «позитивный» Конт придавал несколько значений: 1) реальное в противоположность химерическому; 2) полезное в противополож-

¹Родоначальники позитивизма / пер. И. А. Шапиро ; предисл. проф. М. М. Ковалевского. СПб., 1912. Вып. 4. С. 114.

ность бесполезному; 3) достоверное в противоположность сомнительному; 4) точное в противоположность смутному; 5) положительное в противоположность отрицательному (в этом случае оно указывает на одно из важнейших свойств новой философии, представляя ее как назначенную по своей природе преимущественно не разрушать, но организовывать).

Позитивизм Конта связан с теорией общественного прогресса как стадийного эволюционного развития человечества, позволяющего ему на каждой стадии достигать больших материальных и интеллектуальных результатов.

«Наиболее дорогими сердцу Конта ценностями были порядок, стабильность и превыше всего – спокойствие духа. Прогресс человечества рассматривался как рост контроля разума над чувствами. Проблемы – это неудачи контроля. Первым величайшим прогрессом человеческого ума считался контроль физического окружения. Задача в будущем состояла в контроле человеческой природы»².

Научная организация общественной жизни, как полагал Конт, «позволит навсегда покончить с социальной враждой и наладить гармоничные гуманные отношения между людьми. Нравственный смысл своего учения Конт сформулировал следующим образом: «любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель»³.

Историческая заслуга Конта как основоположника социологии состоит в том, что он заложил теоретические основы социологии как самостоятельной науки. Обе идеи, представленные в трудах Конта – применение научных методов для изучения общества и практическое использование науки для социальных реформ, – получили признание и дальнейшее развитие в социологии.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Огюст Конт (19 января 1798 г. – 5 сентября 1857 г.) – французский философ и социолог, реформатор, основатель направления позитивизма в обществознании.

Родился во французском городе Монпелье в семье католиков. Прочувшись в лицее, закончил Высшую Политехническую школу в Париже, где получил систематическое образование в области естественных наук.

На формирование его взглядов особое влияние оказали республиканские и либеральные идеи, а также идеи универсальности науки, что в дальнейшем нашло отражение в проекте системы наук Конта.

²Родоначальники позитивизма / пер. И. А. Шапиро ; предисл. проф. М. М. Ковалевского. СПб., 1903. Вып. 3. С. 143.

³Там же.

В период с 1817 по 1824 г. Конт был секретарем и учеником известного французского ученого, философа А. Сен-Симона, с помощью которого и в ходе самостоятельных занятий он расширил и углубил свои познания в области общественных наук.

Свидетель и современник весьма драматичных и противоречивых последствий, которые принесла Европе Великая французская революция, Конт тяжело переживал состояние политической неразберихи, экономического хаоса, социального размежевания. По мысли Конта, социология должна была противопоставить радикальным теориям революции теорию, позволяющую проводить изменения в обществе эволюционным путем, учитывая социальные факторы и интересы всех социальных групп.

В целом позиция Конта в социальной теории была обозначена как позитивистская, т. е. делавшая упор не на радикальную революционность, а на «позитивную» перестройку. Позитивная стадия развития общечеловеческого интеллекта, по Конту, является последней, высшей ступенью эволюции человечества, когда утверждается научное социальное познание и социальное управление. Критерии «позитивности»: познание законов, предвидение, применение. Для Конта «наука ведет к предвидению, предвидение ведет к действию». Позитивная наука социология должна не только раскрывать закономерности общественного устройства и развития, но и поставить политику на научную основу для содействия прогрессу человека и общества.

Главный труд своей жизни шеститомный «Курс позитивной философии» Конт создавал не менее 13 лет (с 1829 по 1842 г.). Эта большая работа, первый том которой вышел в 1830 г., представляет ряд философий отдельных наук, которые следуют одна за другой в определенной последовательности: философию математики сменяет философия астрономии и физики, химии и биологии... Три последних тома «Курса» Конт посвящает изложению «социальной физики», или «социологии». В первом из этих трех томов доказывается необходимость изучения социологических законов и даются теоретические обоснования социальной теории. В 5-м и 6-м томах «Курса» он подробно характеризует основной закон своей науки об обществе – закон трех стадий.

Закончив «Курс позитивной философии» (в русском издании – «Курс положительной философии: в 6 т. (СПб., 1900) и «Дух Позитивной философии (СПб., 1910 г.), Конт работает над очередным трудом – «Система

позитивной политики», четыре тома которого были написаны им и опубликованы за период с 1851 по 1854 г. Здесь Конт излагает соображения о политических и нравственных началах будущего общественного устройства. В 1849 г. выходит «Позитивистский календарь». В 1852 г. Конт публикует «Позитивистский катехизис», а в 1854 г. – «Позитивистскую библиотеку».

В последние годы жизни Конт начал произведение под названием «Субъективный синтез». В эту работу он планировал включить систему «позитивной логики», систему «позитивной морали» и систему «позитивной промышленности». Но осуществить задуманное он не успел.

Конт О. ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Часть I

Превосходство положительного мышления

Глава I

Закон интеллектуальной эволюции человечества, или Закон трех стадий

<...>2. Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная, – по крайней мере, для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение – постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным. <...>

44. <...> Возводя, таким образом, идею прогресса в истинно основной догмат человеческой мудрости, как практической, так и теоретической, положительная философия сообщает ей наиболее благоприятный и в то же время наиболее полный характер, представляя всегда второй вид совершенствования высшим, чем первый. Действительно, так как, с одной стороны, воздействие человечества на внешний мир зависит преимущественно от способностей действующего, то улучшение последних

*Конт О. Дух позитивной философии. СПб. : Изд-во «Вестника знания», 1910. С. 6, 46–47, 59–60.

должно составлять наш главный ресурс; и так как, с другой стороны, человеческие личные или коллективные явления наиболее способны видоизменяться, то именно относительно их наше разумное вмешательство естественно возможно в наиболее широких размерах. Догмат прогресса может, таким образом, стать достаточно философским только на основании точной оценки того, что главным образом составляет это беспрерывное улучшение нашей природы, улучшение, являющееся главной целью поступательного движения человечества. А в этом отношении совокупность положительной философии вполне доказывает, как это можно видеть в труде, указанном в начале этого «Слова», что совершенствование, как для индивидуума, так и для рода, по существу заключается в доставлении преобладания возвышенным свойствам, наиболее отличающим нашу человечность от простой животности, т. е. с одной стороны уму, с другой, общественности, – способностям, естественно связанным между собою, служащим взаимно друг другу средством и целью. <...>

<...>46. Положительная философия, благодаря своему в высшей степени относительному характеру, единственно может надлежащим образом представить все великие исторические эпохи как различные определенные фазисы одной и той же основной эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и подготавливает следующий за ним в зависимости от неизменных законов, точно определяющих его специальное участие в общей цепи фактов. Эта философия позволяет всегда без упрека в непоследовательности и пристрастии отдавать должную философскую справедливость всем событиям, содействовавшим прогрессу. Хотя это бесспорное преимущество разумного положительного метода должно с первого взгляда казаться чисто умозрительным, тем не менее истинные мыслители не замедлят признать в нем главный необходимый источник активного социального влияния, выпавшего, наконец, на долю новой философии. Ибо теперь можно утверждать, что учение, которое удовлетворительно объясняет совокупность прошлого, неизбежно получит, благодаря только этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего. <...>

Часть 3

Условия торжества положительной школы.

Союз пролетариев и философов

Глава 1

Введение высшего народного образования

<...> 2. Необходимая всеобщность этого образования

59. Чтобы надлежащим образом преодолеть это стихийное объединение различных сопротивлений, оказываемых ей массой мыслящих людей

(понимая это слово в собственном смысле), положительная школа может прибегнуть к единственному общему средству – к прямому и настойчивому обращению к всеобщему здравому смыслу, стараясь отныне систематически распространять среди активных слоев населения главные научные труды, способные создать необходимое основание ее великого философского построения. Эти предварительные исследования, в которых до сих пор естественно преобладал эмпирический дух специализации, направлявший соответственные науки, – рассматривается и изучается, как если бы каждое из них должно было по преимуществу подготовить к той или иной исключительной профессии; это обстоятельство очевидно лишает возможности даже тех, которые обладали бы наибольшим досугом, когда-либо обнять многие знания или, по меньшей мере, столько их, сколько потребовалось бы для дальнейшей выработки здоровых общих концепций. Но так больше не может продолжаться теперь, когда образование имеет своим прямым назначением всеобщее воспитание, необходимо изменяющееся, вопреки всякой противной тенденции, его характер и направление. В самом деле, средний человек, который не хочет стать ни геометром, ни астрономом, ни химиком и т. д., постоянно испытывает одновременную потребность во всех главных науках, сведенных к их основным понятиям; ему нужна, по замечательному выражению нашего великого Мольера, ясность во всем. Эта необходимая одновременность перестает для него существовать только тогда, когда он рассматривает эти знания в их отвлеченном и общем назначении как единственное рациональное основание совокупности человеческих концепций; он ее вновь встречает, хотя не столь непосредственно, даже по отношению к различным применениям, из которых каждое, вместо того чтобы относиться исключительно к данной отрасли естественной философии, по существу более или менее зависит от всех прочих. Таким образом, всеобщее распространение главных приобретений положительного знания назначено теперь не только для удовлетворения потребности уже весьма резко выраженной у широких кругов общества, которое все более и более сознает, что науки вовсе не созданы исключительно для ученых, а существуют преимущественно и, главным образом, для него самого. В силу счастливого, само собой возникающего взаимодействия, такое назначение, когда оно будет надлежаще развито, должно будет коренным образом улучшить современное научное мышление, избавляя его от свойственной ему слепой и узкой специализации и давая ему тем самым возможность мало-помалу приобретать необходимый для его главной миссии истинно философский характер.

Таким образом, мы постепенно приходим к открытию неизменной иерархии – одновременно исторической и догматической, одинаково научной и логической – шести основных наук: математики, астрономии,

физики, химии, биологии и социологии; из них первая необходимо составляет исключительный отправной путь последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной философии, рассматриваемой отныне как философия, которая образует, в силу своей природы, истинную неделимую, хотя несколько не произвольную, систему, где всякое разложение в корне искусственно, и которая относится, в конечном итоге, всецело к человечеству, единственному в полне уникальному понятию. Совокупность этой энциклопедической формулы, точно согласующейся с истинными свойствами соответственных наук <...>

Конт О.
КУРС ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Первая лекция

*Цель этого курса или общие соображения о природе и значении
положительной философии*

В этой первой лекции я имею в виду ясно указать цель этого курса, т. е. точно определить то направление, в котором будут рассмотрены основные отрасли натуральной философии, указанные в представленной вам программе.

Без сомнения, характер этого курса можно будет понять вполне, т. е. настолько, чтобы составить о нем окончательное мнение, только тогда, когда отдельные его части будут развиты последовательно одна за другой. Таково обычное неудобство определений, относящихся к очень обширным системам идей, когда эти определения предшествуют самому изложению. Но общие положения можно рассматривать с двух точек зрения: или как общий взгляд на подлежащую доказательству систему, или как вывод из установленной уже системы, и если эти положения приобретают все свое значение только тогда, когда они рассматриваются со второй точки зрения, то и при первой точке зрения они имеют громадную важность, определяя с самого начала предмет исследования. Произведенное со всей возможной для нас строгостью общее ограничение поля наших исследований есть вступление, особенно необходимое, по нашему мнению, для столь обширного и до сих пор столь мало определенного труда, как тот, к которому мы теперь приступаем. В силу этой логической необходимости я считаю нужным теперь же указать вам на целый ряд основных соображений, которые вызвали появление этого курса и которые впоследствии будут развиты с той подробностью, какую заслуживает чрезвычайная важность каждого из них. Чтобы лучше объяснить истинную природу

*Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. СПб., 1900. Т. 1. С. 3–4.

и особый характер положительной философии, необходимо, прежде всего, бросить общий взгляд на последовательное движение человеческого духа, рассматривая его во всей совокупности, так как ни одна идея не может быть хорошо понята без знакомства с ее историей.

Изучая таким образом весь ход развития человеческого ума в различных сферах его деятельности, от его первого простейшего проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл главный основной закон, которому это развитие подчинено безусловно, и который может быть твердо установлен или путем рациональных доказательств, доставляемых знакомством с нашим организмом, или с помощью исторических данных, извлекаемых при внимательном изучении прошлого. Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое (или фиктивное), состояние метафизическое (или абстрактное), состояние научное (или положительное). Другими словами, человеческий дух по самой своей природе в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя способами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом. Отсюда и возникают три взаимно исключаящие друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений: первая есть необходимая исходная точка человеческого ума; третья – его определенное и окончательное состояние; вторая служит только переходной ступенью.

В теологическом состоянии человеческий дух, направляя свои исследования главным образом на внутреннюю природу вещей, первые и конечные причины поражающих его явлений, стремясь, одним словом, к абсолютному познанию, воображает, что явления производятся прямым и постоянным воздействием более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира.

В метафизическом состоянии, которое на самом деле представляет собою только общее видоизменение теологического, сверхъестественные факторы заменены абстрактными силами, настоящими сущностями (лицетворенными абстракциями), неразрывно связанными с различными вещами и могущими сами собою производить все наблюдаемые явления, объяснение которых состоит в таком случае только в подыскании соответствующей сущности.

Наконец в положительном состоянии человеческий дух познает невозможность достижения абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от познания

внутренних причин явлений, и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т. е. их неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение явлений, приведенное к его действительным пределам, есть отныне только установление связей между различными отдельными явлениями и несколькими общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки. <...>

ТЕМА 2. ЭВОЛЮЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

1. *Процесс становления Г. Спенсера как выдающегося мыслителя XIX века.*
2. *Эволюционные процессы в контексте социологии Г. Спенсера.*
3. *Роль социальных институтов в процессе эволюции общества.*
4. *Основные идеи Г. Спенсера, представленные в работе «Основания социологии».*

Ключевые слова: эволюционные процессы, социальная эволюция, системные принципы и специфические черты «социального организма», типы общества.

1. Г. Спенсер – родоначальник позитивизма и социологии как науки – исходил из связи органического мира и социальных явлений. Между биологией и социологией он поместил психологию, полагая, что мир управляется чувствами, руководимыми идеями. Основной исследовательской задачей Спенсера являлось познание эволюции общества и изменений в его социальных структурах, а не состояние идей, которые он рассматривал как производное от социальных условий.

Теоретические взгляды Спенсера формировались главным образом под влиянием достижений естественных наук. Спенсер высоко ценил труды Ч. Дарвина, а также А. Смита и Р. Мальтуса, английских утилитаристов, проповедовавших идеи радикального буржуазного либерализма и индивидуализма. Спенсер защищал принципы индивидуальной свободы и свободы конкуренции. Всякое вмешательство в естественный ход событий, тем более социальное планирование, по его мнению, приводит к биологическому вырождению, поощрению «худших за счет лучших». Спенсер выступал за ограничение роли государства в общественной жизни вплоть до отказа бедным в помощи или заботе о воспитании детей. Он критиковал колониальную экспансию, ведущую к усилению государственной бюрократии. В то время эти идеи были популярны, но лишь Спенсер предпринял попытку создания системы, фундаментальные положения сформулировал в терминах: вещество, движение, сила. Из закона постоянства вещества и силы Спенсер вывел закон эволюции.

2. Эволюционизм – центральное понятие мировоззренческой концепции Спенсера. Проводя параллели между обществом и природой, подчеркивая органический характер социальной эволюции, Спенсер отвергал революционную реорганизацию как деятельность, разрушающую природную справедливость. Эволюция связана с равновесием, при нарушении которого начинается распад, переходящий со временем в новый эволюционный процесс. Прогресс Спенсер считал универсальным, понимая его как процесс совершенствования человека и общества. Идеальное общество Спенсера – это общество, в котором социальный организм служит образующим его индивидам, управление минимально, граждане имеют равную индивидуальную свободу.

Спенсер выделял три вида эволюционных процессов, подчиняющихся общим законам: неорганический, органический и надорганический. Он считал, что специфические законы высших фаз не могут быть сведены к законам низших фаз. В надорганической эволюции присутствуют явления, не встречающиеся в неорганическом и органическом мире. Общество является частью природы, оно не создано искусственно. Человек становится социальным существом в результате длительной эволюции первобытных сообществ в надорганические социальные системы. Численный рост населения требует социальной организации для выживания и приспособления, способствующей выработке и развитию социальных чувств, интеллекта, трудовых навыков. Суть и содержание естественной эволюции – социализация человека.

Задача социологии, по Спенсеру, – изучение массовых типичных явлений и процессов, социальных фактов, раскрывающих действие всеобщих законов эволюции, процессов, совершающихся независимо от воли отдельных личностей, их индивидуальных свойств и субъективных намерений. Размышляя о специфике социологии, Спенсер выделяет объективные и субъективные трудности социального познания. Социальные факты трудно измерить и рассмотреть с помощью приборов. Их можно установить лишь опосредованно, путем сравнения множества данных. Социальные факты для Спенсера – это явления, в которых проявляются эволюционные процессы (дифференциация структуры и функций, усложнение политической организации).

3. Социальные институты – это механизмы самоорганизации совместной жизни людей. Они обеспечивают превращение асоциального по природе человека в социальное существо, способное к совместным коллективным действиям. Институты возникают в ходе эволюции при росте численности популяции, согласно общему закону – прирост массы тела приводит к усложнению структуры и дифференциации функций. Главная задача социологии – изучать синхронное взаимодействие социальных институтов.

Спенсер выделяет несколько типов социальных институтов: домашние (семья, брак, которые раскрывают взаимосвязь между типом семьи и типом общества); церемониальные (регулируют повседневное поведение людей, устанавливают обычаи, обряды, этикет); политические (конфликты и войны сыграли решающие роли в становлении политической организации и классовой структуры общества, затем общественное производство и разделение труда становятся объединяющей силой общества); церковные (обеспечивают интеграцию общества, контролируют определенные сферы общественной жизни, поддерживая традиции, обычаи, верования); профессиональные промышленные (консолидируют группы людей по профессиональным занятиям, регулируют трудовые отношения).

Теория социальных институтов Спенсера – попытка системного исследования общества как «социального организма», все институты которого имеют определенный уровень влияния, ответственности и согласованности, осуществляют социальное равновесие.

Спенсер определил общие системные принципы и специфические черты «социального организма»: общество наращивает массу (численность населения, материальные ресурсы), рост массы приводит к усложнению структуры, которая сопровождается дифференциацией функций; происходит постепенное усиление взаимосвязи и взаимодействия частей; стабильность общества обеспечивается сохранением функций и структур.

4. Спенсер также рассмотрел специфику общества как социального организма: элементы общества рассеяны в пространстве и обладают значительно большей автономией; пространственная рассеянность элементов делает необходимой символическую коммуникацию; в обществе нет единого органа, контролирующего способность чувствовать и мыслить; общество отличается пространственной мобильностью элементов структуры; общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества.

Общество, по Спенсеру, бывает двух основных типов: военное (тоталитарное) и промышленное (индустриальное). В военном обществе иерархия власти строго детерминирована, индивид принудительно подчинен обществу, а само общество находится под сильным централизованным контролем. Военному обществу присущи следующие черты: доминирование коллективных целей, жесткая организация и система принуждения, иерархичность структуры управления, господство военной касты, наследование власти, высокий уровень сплоченности, дисциплины, религиозности сознания.

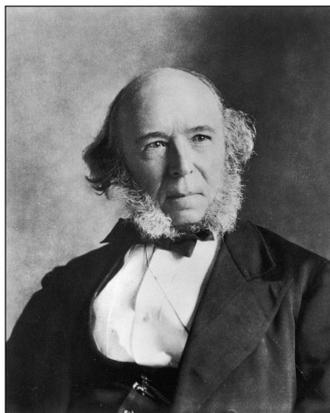
В промышленном обществе социальная организация более гибкая, имеются политические свободы, власть выражает волю индивидов, хотя сохраняются отдельные черты военного общества. В промышленном обществе управление децентрализовано, строится на принципах самооргани-

зации и самоуправления, широко распространены неформальные объединения, охраняются права человека, существуют плюрализм мнений, вознаграждение труда, международное сотрудничество, гражданское право, ограничен общественный контроль, шире область частной жизни.

Научные концепции Спенсера часто содержали внутренние противоречия, неоднозначно оценивались в научном мире, подвергались острой критике. Справедливости ради следует признать, что классический эволюционизм оказал значительное влияние на общественную жизнь той эпохи, в которую он зародился и развивался, способствовал введению в общественные науки проблематики социальных изменений, сближению общественных и естественных наук, приданию социологии статуса науки, развитию социологических школ и направлений.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Герберт Спенсер (27 апреля 1820 г. – 8 декабря 1903 г.) – английский философ и социолог, основоположник органической школы в социологии, родился в Дерби. Его отец, будучи учителем, с ранних лет развивал в сыне самостоятельность и независимость мышления. Завершив среднее образование, в 1837 г. Спенсер обнаружил в себе талант педагога и стал преподавать, больше интересуясь математикой и естествознанием, чем гуманитарными науками (историей и филологией).

Наряду с синтетическим складом ума Спенсер обладал дарованием практика и техника, рано овладел методами точных наук, в самом начале педагогической карьеры ему представилась возможность работать инженером на строительстве Лондон-Бирмингемской железной дороги. Оставив карьеру учителя, он стал инженером: чертил карты, планы, изобрел инструмент для измерения скоростей локомотивов («велосиметр»). Технический и практический склад ума отличал Спенсера от большинства философов предшествующих эпох и сближал его с основателем позитивизма Огюстом Контом и неокантIANцем Шарлем Ренувье, которые тоже не изучали университетский курс гуманитарных наук. Это повлияло на философское мирозерцание Спенсера, сделав его уникальным. Как и О. Конт, Спенсер не ощутил влияния в то время неизвестной в Англии немецкой философии. При этом его инженерная деятельность с большими перерывами продолжалась до 1846 г.

Постепенно у Спенсера пробуждается большой интерес к политическим вопросам. Еще в ранней юности его дядя Томас, священник английской церкви, принимавший активное участие в демократическом движении, оказал влияние на развитие самостоятельного политического мышления племянника.

В 1846 г. Спенсер оставляет деятельность инженера и становится публицистом, в 1848 г. выступает в знаменитом журнале «Экономист» со статьями по политическим и экономическим вопросам, а затем становится главным редактором этого журнала, стремительно расширяя свои познания в разных областях наук. Спенсер проявлял интерес и к социальным вопросам, их обобщению в рамках собственной теории. Он отличался необыкновенной эрудицией и работоспособностью. Ещё в ранней юности Спенсер увлекался биологией, его познания в данной области привели к выводу о том, что всякое органическое развитие – это переход из состояния однородности в состояние разнородности. Эту истину Спенсер переносит с изучения отдельного организма на развитие всего организованного мира и всей вселенной. Оставленное им наследие огромно. Фундаментальный труд ученого в десяти томах (1862–1896 гг.) – энциклопедический синтез всех наук, основанный на принципах эволюционизма, включал: «Основные начала» (1862), «Основания биологии» (1864–1867), «Основания психологии» (1870–1872), трехтомный труд «Основания социологии» (1876–1896), «Основания этики» (1879–1893), «Социология как предмет изучения» (1903).

Благодаря огромной силе характера, синтетическому складу ума и преобладанию теоретических научных интересов Спенсер близок к типу таких теоретиков мысли, как Аристотель, Кант и Гегель. Оптимизм Спенсера во взглядах на личную жизнь и судьбы человечества является еще одной особенностью мыслителя. Он продолжал работать до глубокой старости.

СПЕНСЕР Г. ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ*

Глава 1. ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО

<...> 212. <...> Мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие; ... оно слагается из отдельных единиц; постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в группировке этих единиц в пределах занимаемой каждым обществом местности указывает на известную конкретность составляемого

*Спенсер Г. Основания социологии. СПб. : Издание И. И. Билибина, 1877. Т. 2. С. 500–538.

ими агрегата. ... мы не даем этого имени тем переменчивым скоплениям, которые образуют первобытные люди, но прилагаем его только там, где оседлая жизнь уже привела к некоторому постоянству в распределении внутри общества составляющих его частей.

213. <...> При внешнем рассмотрении общество не имеет сходства ни с одним из известных нам объектов через посредство наших чувств. <...> Существует два больших типа агрегатов, с которыми мы можем сравнивать общественный агрегат: класс агрегатов органических и класс агрегатов неорганических. <...>

Глава 2. ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ОРГАНИЗМ

214. <...> Общественный рост обыкновенно продолжается до распада общества на несколько других, или до поглощения другим обществом; наряду с увеличением в размерах общества наблюдается и увеличение сложности строения. <...> С возрастанием народонаселения в данном обществе общественные разделения и подразделения становятся более многочисленными и более резкими. В общественном и в индивидуальном организме дальнейшие дифференциации прекращаются в завершении зрелого возраста, предшествующего упадку. <...>

В неорганических агрегатах (в целой Солнечной системе и ее частях) интеграции сопровождаются медленными и простыми структурными дифференциациями. В политических агрегатах и в живых существах умножение несходных между собой частей так велико, что оно считается вторым существенным признаком сходства между ними, отличающим их от неорганических предметов. <...>

216. <...> прогресс в структурной дифференциации сопровождается прогрессивной дифференциацией функций. <...> Возникающий в обществе господствующий класс становится отличным от остальных классов, берет на себя контроль над их действиями; если этот класс распадается далее на подклассы, обладающие большей или меньшей степенью господства, то начинают выполнять каждый свою, совершенно особенную часть общего контроля. В классах, подчиненных такому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы, на которые они распадаются, выполняют различные действия; причем в пределах каждой из таких групп наблюдается распадение на части, менее резко различающиеся между собой, чем главные группы, но отправляющие пропорционально отличные обязанности. <...>

217. <...> Но в органических и политических агрегатах отношение между частями иное. В каждом из них изменения в различных частях взаимно определяют друг друга, и измененные действия этих частей также

находятся в тесной взаимной зависимости. В обоих случаях эта взаимосвязь возрастает вместе с прогрессом развития. <...>

В зачаточном обществе каждый его член есть одновременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и т. д., т. е. здесь каждая часть сама удовлетворяет все свои нужды. Переход к общественному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может свершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если ... одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая ... – горным делом и т. д., одни производят товары, а другие распределяют их. Все это возможно лишь при одном условии, чтобы каждая часть в обмен за специальную услугу, оказываемую ею всем другим частям, получала в свою очередь от всех них соответствующие доли их специальных услуг. Разделение труда – ... особенность общества и животного мира, которая делает их живым целым. <...>

<...> ... взаимная зависимость между всеми частями организма составляет его существенную отличительную особенность. ... в обществе рабочие по железу должны прекратить свою деятельность, если рудокопы перестают снабжать их нужными материалами; портные не могут продолжать своего дела при отсутствии прядильщиков и ткачей; мануфактурные округа должны приостановить свои работы, если классы людей, занимающихся производством и распределением пищи, прекратят деятельность; контролирующая власть – правительство, присутственные места, суды, полиция – перестают быть способными поддерживать порядок, если их перестают снабжать всем необходимым для жизни. В обществе взаимная зависимость между всеми его частями столь же строга, как и в организме. <...>

218. ... жизнь целого складывается из комбинаций деятельностей его составных частей, находящихся в тесной взаимной зависимости... <...>

<...> 219. <...> Жизнь агрегата значительно превосходит по своей продолжительности жизни его отдельных единиц, если ничто не приведет ее к насильственному концу. <...> Все общество и каждый из его больших отделов продолжают сохранять из года в год свою целостность, несмотря на смерть входящих в их состав отдельных граждан <...>.

<...> В социальном организме и в индивидуальном жизнь целого совершенно отличается от жизни отдельных единиц... <...> Части общества образуют такое целое, которое должно считаться раздельным, а не конкретным. Живые единицы, составляющие общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении, но рассеяны более или менее далеко друг от друга. <...>

222. <...> Общество существует для блага своих членов, а не члены существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц. <...>

Глава 3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ РОСТ

224. <...> Самые большие общества возникли вначале из небольших кочующих орд, подобных тем, которые мы встречаем теперь у самых низших человеческих рас. <...> ... процесс интеграции породил с течением времени такие общественные агрегаты, которые по своему объему превосходят в миллионы раз те мелкие общественные агрегаты, что одни только и существовали в самые отдаленные времена человеческой истории. Общественный рост по достигаемым им размерам оказывается аналогичным росту у живых существ. <...>

226. Рост индивидуального организма и рост общественного организма сходны между собой ещё в другом отношении. ...увеличение размера совершается с помощью двух процессов, которые имеют место порознь и вместе. Возрастание размера может совершаться или путем простого увеличения единиц, ведущего к увеличению группы, или путем слияния уже сложившихся групп, которые снова могут сливаться. <...> Общественный рост совершается путем слияния общественных групп различных степеней. <...> Увеличиваясь в своей численности, первобытное племя распространяется все шире и шире, различные его части теряют взаимную связь и распадаются на независимые группы, которые – с превращением их постоянно расходящихся диалектов в различные языки – сами превращаются в различные племена. <...> Взаимные столкновения племен, уменьшение и умирание одних, разрастание и самопроизвольное разделение других продолжают тянуться из века в век бесконечной чередой. Образование более крупного общества происходит только путем комбинации этих более мелких обществ; при этом разделения, вызванные прежними распадаениями, не стираются вследствие такого процесса. Процесс этот может наблюдаться и на различных своих ступенях у многих нецивилизованных рас, где он проходит также как у предков прежних и нынешних цивилизованных рас. <...>

<...> ... в органическом и в надорганическом росте ... – один и тот же процесс сложения или слияния, восходящий последовательно все выше и выше. За консолидацией самых мелких агрегатов идет процесс образования самых крупных агрегатов путем соединения первых в одну общую

группу; при повторении этого процесса вторичные агрегаты превращаются в третичные.

227. <...> Первоначальные группы в животном и общественном мире незначительны по своим размерам <...> Общества низших типов простираются на более обширные пространства сравнительно с числом составляющих их индивидов. ... общественная интеграция – результат слияния отдельных групп, дополняется процессом умножения числа индивидов в каждой группе. При сравнении населенности областей обитания диких племен с населенностью европейских областей таких же размеров увидим, что кроме разрастания после слияния отдельных групп, здесь постоянно шло и разрастание путем заполнения свободных промежутков. <...> ...интеграция проявляется двояким образом: в достижении более объемной массы, в прогрессивном приближении этой массы к тому состоянию сплоченности, которое обуславливается тесным сближением ее частей. <...>

...существует такой способ общественного роста, не имеющий аналогии в органическом росте, – это рост путем миграции, или перехода единиц из одного общества в другое. У многих первобытных и у немногих развитых групп этот фактор имеет немалое значение; но вообще влияние его столь ничтожно по сравнению с влиянием роста путем умножения населения и путем слияния прежних независимых групп, что он не изменяет в сколько-нибудь заметной степени рассматриваемой нами аналогии.

Глава 4. ОБЩЕСТВЕННОЕ СТРОЕНИЕ

228. В обществах возрастание общей массы сопровождается возрастанием сложности строения параллельно той интеграции, которая составляет первичную черту развития, заключающуюся в дифференциации. <...>

Группы, не имеющие глав и вполне свободные от всякого подчинения и управления, бывают недостаточно связаны и распадаются на части, прежде чем успеют достичь значительных размеров; но во всяком постоянном агрегате (сотни человек и выше) мы обыкновенно находим простой или сложный правительственный аппарат, т. е. одного человека или большее число людей, заявляющих притязания на власть (естественную или сверхъестественную, или на ту и другую власть) и действительно пользующихся такой властью. В этом состоит первая общественная дифференциация. <...>

Вскоре вслед за ней возникает обыкновенно вторая дифференциация, стремящаяся установить разделение между направительной и исполнительными частями общества. У самых низших племен это разделение выражается в грубой форме в различии относительно положения и обязанностей двух полов. Мужчины, обладая неограниченной властью, занимаются

только внешними делами, знакомыми данному племени, главным образом войной; женщины представляют собой покорных домашних рабов, выполняющих менее замысловатые функции в процессе прокормления семьи. С увеличением численности племени, с развитием и укреплением власти, ведущими обыкновенно к военному превосходству над соседними племенами, исполнительная часть постепенно расширяется путем присоединения к ней пленников.

С дальнейшим возрастанием общественной массы, обусловленным слиянием первичных общественных агрегатов во вторичный, начинает возникать дальнейшее несходство между его частями. Удерживание единства сложной группы предполагает существование одного общего главы всего этого целого, равно как и второстепенных глав, управляющих отдельными частями. <...>

Когда такая группа групп сплотится настолько, что ее соединенные силы будут поддаваться управлению одного правящего аппарата, она нередко вступает в союз с другими столь же сложными группами или покоряет себе такие группы, ... дело может кончиться полным слиянием двух или нескольких таких сложных групп; затем за таким слиянием следует еще большее усложнение правительственного аппарата с его королем, областными правителями и мелкими начальниками; возникает более резкое разделение на классы: воинов, жрецов, рабов. <...> Увеличение массы всегда сопровождается возрастанием сложности строения.

229. Это возрастание разнородности, следующее в обществах и организациях вслед за возрастанием общей массы, представляет собой ещё одну, общую обоим этим случаям черту. Кроме тех несходств между частями, которые являются результатом возникновения координирующих аппаратов, тут вскоре появляются новые несходства в самих координирующих аппаратах... <...>

Постоянное удерживание вместе первоначально сходных частей делает возможным появление между ними взаимной зависимости, а с возрастанием взаимной зависимости возрастает и несходство между частями.

230. Итак, как в индивидуальном, так и в общественном организме процесс агрегации постоянно сопровождается прогрессом организации, причем последний следует в обоих случаях тому же закону: последовательные дифференциации подвигаются всегда от более общего к более специальному. <...> У простых племен и групп племен на ранних ступенях агрегации есть люди, которые одновременно и колдуны, и жрецы, и гадалки, и заклинатели, и доктора... С прогрессом общественной интеграции появляются одновременно и различия со стороны деятельности, функции, и различия со стороны сана или иерархического положения. <...>

Сам жреческий класс постепенно распадался на несколько различных отделов, которые распределяли между собой различные религиозные обязанности: жертвоприносители, гадатели, певцы, сочинители гимнов, наставники юношества; среди жрецов существовала известная иерархия – система различий относительно занимаемого сана. Этот прогресс от общего к специальному в пределах жреческого сословия привел у более вышестоящих народов к столь резким отличиям между различными его отделами, что они заставили совершенно позабыть существовавшее первоначально между ними родство. Жрецы-астрологи древних рас были представителями нашего ученого класса, который распался теперь на множество разнообразнейших социальных групп; от жрецов-докторов древности произошло наше медицинское сословие с его крупными и мелкими подразделениями; в собственно духовном классе возникли всевозможные ступени духовного сана... <...>

То же самое мы увидели бы, если бы нам вздумалось проследить генезис какого-нибудь промышленного отдела: от первобытных кузнецов, лично плавивших железо для изготовления разных орудий, <...> до нынешних железно-заводских и железно-мануфактурных округов, где приготовление металла подразделяется на плавку, очищение, пудлингование, прокат, а изготовление из него разных орудий распадается на множество отделов и выполняется на многочисленных специальных фабриках. <...> ... такое преобразование однородного в разнородное в особенно высокой степени характеризует именно развитие индивидуальных и общественных организмов. <...>

ТЕМА 3. СИСТЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ МАКСА ВЕБЕРА

1. *Общая характеристика социологического учения.*
2. *Концепция понимающей социологии.*
3. *Теория социального действия.*

Ключевые слова: теория социального действия, понимающая социология, учение об идеальных типах, учение о типах господства, принцип рациональности и теория капитализма М. Вебера, социология религии.

1. В методологии Макса Вебера можно выделить несколько основных моментов: 1) концепция идеального типа, 2) метод причинно-следственного (каузального) объяснения, 3) принцип сопереживающего понимания мотивов поведения, 4) принцип отнесения к ценности. Они родились из попытки объединить эвристику естественных и гуманитарных наук, перенести в социологию все самое рациональное из них и таким способом усилить ее познавательные возможности.

С точки зрения Вебера, социология должна изучать прежде всего поведение и социальную деятельность человека или группы людей. Однако не всякое их поведение и деятельность являются предметом изучения социологии, а только такие, которые, во-первых, осмыслены ими с точки зрения целей и средств их достижения, во-вторых, ориентированы на других субъектов, т. е. учитывают влияние на них своих действий и их ответную реакцию на это. Социальные действия составляют, по Веберу, систему сознательного взаимодействия людей. В таком качестве они составляют предмет социологии.

2. Вебер создал и развил концепцию **понимающей социологии**. Он считается ее основателем. Задачи социологии, по его мнению, заключаются в том, чтобы понять и объяснить: во-первых, посредством каких осмысленных действий люди пытаются осуществить свои стремления, в какой степени и по каким причинам это им удавалось или не удавалось; во-вторых, какие понятные социологу последствия имели их стремления для «осмысленно-соотнесенного поведения других людей».

В своей понимающей социологии Вебер исходит из того, что понимание социального действия и внутреннего мира их субъектов может

быть как логическим, т. е. осмысленным с помощью понятий, так и чисто эмоциональным. В этом случае оно достигается посредством «вчувствования», «вживания» социолога во внутренний мир субъектов социального действия. Он называет этот процесс сопереживанием. Тот и другой уровни понимания социальных действий, из которых складывается общественная жизнь людей, играют свою роль. Однако более важно, по Веберу, логическое понимание социальных процессов, их осмысление на уровне науки.

В своей социологии понимания Вебер не мог обойти проблему ценностей, в том числе моральных, политических, эстетических, религиозных. Прежде всего речь идет о понимании сознательных установок субъектов на указанные ценности, которые определяют содержание и направленность его поведения и деятельности. С другой стороны, социолог сам исходит из определенной системы ценностей, что неизбежно сказывается на ходе и результатах его исследований.

Вебер предложил свое решение проблемы ценностей. Он трактует ценность как «установку той или иной исторической эпохи», как «свойственное эпохе направление интереса». Тем самым ценности из области надисторической переносятся в историю. Эта трактовка ценностей имеет большое значение для реалистического объяснения сознания людей, их социального поведения и деятельности. Она сыграла важную роль в развитии Вебером теории социального действия. Важнейшей составляющей данной теории является концепция социальных типов.

Вебер трактовал идеальный тип как «интерес эпохи, выраженный в виде теоретической конструкции». Это некая идеальная модель того, что наиболее полезно человеку, что объективно отвечает его интересам в современную ему эпоху. В этом отношении в качестве идеальных типов могут выступать моральные, политические, религиозные и другие ценности и вытекающие из них установки поведения и деятельности людей, правила и нормы их поведения, а также традиции их социального общения.

Учение Вебера об идеальных типах не потеряло актуальности. Оно служит для его последователей в качестве своеобразной методологической установки социального познания и решения практических проблем, связанных, в частности, с упорядоченностью и организованностью элементов духовной, материальной и политической жизни.

Говоря о методах исследования, Вебер подчеркивал, что уповать только на социальную статистику неправильно. Это первый и далеко не последний шаг ученого. Второй и более главный шаг – поиск мотивов, которые могут раскрыть содержательную связь явлений. Статистика и изучение мотивов, которые игнорировали Конт, Маркс и Дюркгейм, – взаимодополнительные части социологического исследования. Таково ядро научного метода.

Но как выяснить мотивы? Ведь мы их не видим. Ученому надо мысленно поставить себя на место того, кого он изучает, и разобраться, почему он поступил так, а не иначе, что им руководило, какие цели он преследовал. Наблюдая цепочку реальных действий, например, забастовку, социолог должен сконструировать правдоподобное объяснение на основе внутренних *мотивов* ее участников. *Мотивы других людей мы раскрываем благодаря знанию того, что в схожих ситуациях большинство людей поступают одинаково.*

3. Вебер подошел к теории социального действия, выделив четыре его типа: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное.

Целерациональное действие – это когда человек ясно представляет себе цель действия и средства ее достижения, а также учитывает возможную реакцию других людей на свои действия. Критерием рациональности является успех.

Ценностно-рациональное действие совершается через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную ценность определенного поведения.

Традиционное действие осуществляется через привычку.

Аффективное действие происходит через аффекты, т. е. бессознательные психологические импульсы и чувства.

Два последних не входят в предмет социологии, так как человек выполняет их либо автоматически, сообразуясь с традициями, либо бессознательно, подчиняясь чувствам (аффектам). Только *первые два Вебер относил к социологии* и называл их *рациональными* (осознанными).

В этой классификации степень осознанности наращивается от аффективных и традиционных социальных действий к ценностно-рациональным и целерациональным. В реальном поведении людей чаще всего присутствуют все указанные типы или виды действий. Каждый из них отличается своей мотивацией, а нередко содержанием и механизмом осуществления социального действия. Необходимы научные представления о них, чтобы учитывать все это. Вебер отмечал, что эти виды социальных действий не исчерпывают всего их многообразия. Но поскольку их можно считать самыми характерными, то знания о них могут быть весьма полезными для теоретиков и практиков не только в области социологии.

Вебер исходил из того, что в историческом процессе растет степень рациональности социальных действий. Рационализируется способ ведения хозяйства, рационализируется управление как в области экономики, так и в области политики, науки, культуры – во всех сферах социальной жизни; рационализируется образ мышления людей, так же как и способ их чувствования и образ жизни в целом. Все это сопровождается колос-

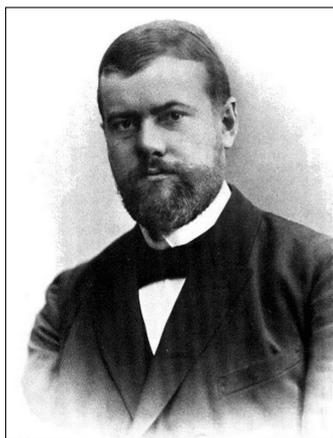
сальным усилием социальной роли науки, представляющей собой, по мнению Вебера, «наиболее чистое воплощение принципов реальности».

Воплощением рациональности Вебер считал правовое государство, функционирование которого целиком базируется на рациональном взаимодействии интересов граждан, подчинении их закону, а также общезначимым политическим и моральным ценностям. Он считал, что правовое государство развивается на основе целерациональных и ценностно-рациональных действий управляющих и управляемых.

Вебер касался в своих трудах широкого круга проблем из области теории и методологии социологии, оставив в их разработке заметный след. Он высказал глубокие суждения о решении сложных проблем, которые остаются актуальными и сегодня.

Подводя итог, отметим, что Вебер разработал все базисные теории, которые сегодня составляют фундамент социологии: учение о социальном действии и мотивации, об общественном разделении труда, отчуждении, профессии как призвании, основы социологии религии, экономической социологии и социологии труда, социологии города, теории бюрократии, концепцию социальной стратификации и статусных групп, основы политологии и института власти, учение о социальной истории общества и рационализации, учение об эволюции капитализма и института собственности. Все достижения Вебера просто невозможно перечислить, настолько они огромны.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Максимилиан Карл Эмиль Вебер, известный как Макс Вебер (21 апреля 1864 г. – 14 июня 1920 г.) – немецкий социолог, философ, историк, политический экономист. Родился в Эрфурте.

Его отец был юристом, выходцем из семьи промышленников и купцов, занимавшихся в Вестфалии текстильным делом. Мать была высокообразованной и культурной женщиной, много занималась проблемами религии и социальными вопросами. До самой смерти (умерла за год до кончины Вебера, в 1919 г.) она сохраняла тесный духовный контакт с сыном, постоянно стимулируя его потребность в религиозной вере.

В 1882 г. Вебер поступает на факультет права в один из лучших немецких университетов того времени – Гейдельбергский. Наряду с юриспруденцией изучает философию, историю, экономику, теологию,

т. е. те дисциплины, в рамках которых впоследствии он будет заниматься научным творчеством.

Проучившись три семестра, Вебер был призван на военную службу. Он проходил ее в течение года в Страсбурге сначала солдатом, а затем офицером имперской армии, чем всегда очень гордился.

В 1884 г. он возобновляет учебу. В 1886 г. сдает первые университетские экзамены по юриспруденции.

Вслед за этим Вебер начинает активно заниматься политикой, вступив в Общество социальной политики, куда входили представители университетской интеллигенции, интересовавшиеся соответствующими вопросами жизни общества.

В 1890–1892 гг. по просьбе Общества Вебер проводит эмпирическое социологическое исследование – опрос о положении крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии.

В 1889 г. он защищает в Берлине диссертацию, посвященную истории торговых обществ в Средние века. Это была его первая диссертация. Через два года он пишет и защищает еще одну – на тему «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права».

В 1894 г. Вебер стал профессором кафедры политической экономии Фрайбургского университета. В этом же году вышла его книга по материалам исследования 1890–1892 гг. под названием «Тенденции к изменению положения сельскохозяйственных рабочих Восточной Германии».

В 1896 г. Вебер принимает руководство кафедрой в Гейдельбергском университете.

В 1904 г. состоялась поездка Вебера в США, в г. Сент-Луис, где он участвовал в конгрессе социальных наук и выступил с лекцией о капитализме и сельском обществе в Германии. США производят на него очень глубокое впечатление. В этом же году в созданном им журнале Вебер публикует первую часть «Протестантской этики и духа капитализма», в следующем году – вторую часть этой работы. Внимание немецкого социолога привлекает русская революция 1905 г., и, чтобы знакомиться с материалами о ней в оригинале, он изучает русский язык. В 1906 г. в свет выходит серия его статей, посвященных России (о буржуазной демократии, мнимом конституционализме и др.).

В 1908 г. Вебер организует *Немецкую ассоциацию социологов* и издает серию работ по социальным наукам. Основатель (1909) Немецкого социологического общества.

В 1909 г. он начинает писать свой главный социологический труд – «Хозяйство и общество», который будет издан после смерти ученого его женой.

В 1913 г. была опубликована очень важная с точки зрения теоретической социологии статья ученого «О некоторых категориях понимающей социологии».

С началом Первой мировой войны Вебер поступает на военную службу, став руководителем группы госпиталей Гейдельбергского района (вплоть до конца 1915 г.).

В 1918 г. Вебер едет в Вену читать лекции на летних курсах университета, в которых излагает свое понимание социологии политики и религии. Зимой того же года он получает приглашение сделать два доклада в Мюнхенском университете: «Наука как призвание и профессия» и «Политика как призвание и профессия».

В 1919 г. Вебер возглавил кафедру общественно-экономических наук в университете и руководил ею до середины 1920 г. В университете он читает студентам лекции, посвященные социологическому учению о категориях, а также курс «История хозяйства».

В июне 1920 г. Макса Вебера не стало.

ВЕБЕР М. О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ*

1. СМЫСЛ «ПОНИМАЮЩЕЙ» СОЦИОЛОГИИ

В поведении (*Verhalten*) людей («внешнем» и «внутреннем») обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования «понимание» поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную «очевидность». Тот факт, что толкование обладает такой «очевидностью» в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует об его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных конstellациях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. «Понимание» связи всегда надлежит – насколько это возможно – подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого «понятного объяснения». Наибольшей «очевидностью» отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение, ориентированное

* *Вебер М.* О некоторых категориях «пони­мающей» социологии // Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. М. : Прогресс, 1990. С. 495–499.

только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы «познаем» и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. «Понятное» не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), не доступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно «отклонение от нормального» как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно «понятное» и вместе с тем «простое», полностью соответствующее «правильному типу» (в том смысле, который будет вскоре пояснен), может быть задачей, значительно превышающей средний уровень понимания. «Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря» – как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как «собственные», а именно «психические», совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной «понятному». Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично «доступен пониманию», ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности физической природы.

Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют «иррациональные по своей цели» аффекты и «эмоциональные состояния», и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные «средства» для других целей, а должны быть просто приняты как целевые направленности, не допускающие дальнейшего рационального толкования, – даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего «психологически» понятного объяснения, – можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда, поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий «идеальный тип».

Социология, подобно истории, дает сначала «прагматическое» истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно

так создается в политической экономии рациональная конструкция «экономического человека». Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфическим объектом мы считаем не любой вид «внутреннего состояния» или внешнего отношения, а действие. «Действием» же (включая намеренное бездействие или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к «объектам», т. е. такое, которое специфически характеризуется тем, что оно «имело» или предполагало (субъективный) смысл, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотносены с «внутренними» для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, – с «внешними» объектами. Специфически важным для понимающей социологии является, прежде всего, поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотносено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотносением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено. Субъективно осмысленно соотносены с внешним миром, и в частности с действиями других, и аффективные действия, и такие косвенно релевантные для поведения «эмоциональные состояния», как «чувство собственного достоинства», «гордость», «зависть», «ревность». Однако понимающую социологию интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся «психофизическими» явления, например изменение пульса или быстроты реакции и т. п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует их по типам смысловой (прежде всего, внешней) соотносённости действия, и поэтому целерациональность служит ей – как мы вскоре увидим – идеальным типом именно для того, чтобы оценить степень его иррациональности. Только если определять (субъективно предполагаемый) смысл этой «соотносённости» как «внутренние» пласты человеческого поведения (такую терминологию нельзя не считать вызывающей сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно «изнутри», но это означало бы: не посредством перечисления их физических или психических черт. Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе. Тождество смысловой соотносённости не связано с наличием одинаковых «психических» констелляций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, «стремление к наживе», вообще не может быть отнесена к какой-либо «психологии»; ибо при двух сменяющих друг друга владельцах «одного и того же» делового предприятия «одинаковое»

стремление к «рентабельности» может быть связано не только с совершенно гетерогенными «качествами характера», но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными «психическими» конstellациями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие «целевые направленности» могут не быть родственны друг другу. События, лишенные смысла, субъективно соотнесенного с поведением других, по этому одному еще не безразличны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления «внешним миром», с явлениями и процессами природы: теоретическая конструкция поведения изолированного экономического человека, например, создана именно на этой основе. Однако значимость процессов, не обладающих субъективной «смысловой соотнесенностью», таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве «условий» и «следствий», на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому, как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений.

Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла и тем меньше, чем точнее становятся естественнонаучные определения их условий. Предположим, например, что когда-либо удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приближенно установить связь между наличием определенных социологически релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достигнуть наличием способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей – с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить:

1. Посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими

качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось?

2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?

ВЕБЕР М. ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Метод предлагаемого ниже вводного определения понятий, без которого трудно обойтись, но который неизбежно должен восприниматься как абстрактный и далекий от реальной действительности, отнюдь не претендует на новизну. Напротив, его назначение – сформулировать несколько более целесообразно и корректно, как мы надеемся (что, впрочем, может показаться педантизмом), то, что фактически всегда имеет в виду эмпирическая социология, занимаясь данными проблемами. Это относится и к тем случаям, когда мы вводим как будто непривычные или новые выражения. Терминология в данной статье, по сравнению с другими, по мере возможности упрощена и поэтому в ряде случаев из соображений большей доступности изменена. Стремление к популяризации, правда, не всегда совместимо с соблюдением наибольшей точности и в ряде случаев должно быть принесено ей в жертву.

ПОНЯТИЕ СОЦИОЛОГИИ И «СМЫСЛА» СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

«Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него.

* Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения : пер с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 602–603.

ТЕМА 4. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Э. ДЮРКГЕЙМА

1. *Правила социологического метода и трактовка социального факта.*
2. *Разделение труда и социальная солидарность.*
3. *Религия и мораль в обществе.*

Ключевые слова: социологический метод, социальный факт, социальная солидарность, аномия, мораль и религия.

1. Эмиль Дюркгейм – французский философ и социолог, основатель французской социологической школы, предшественник структурно-функционального анализа. Наряду с О. Контом, М. Вебером считается одним из основоположников социологии как самостоятельной науки. В его работах нашли отражение многие важнейшие проблемы социологии, в том числе, описания её предмета и методологических основ, анализ природы аномии, сущности религии и много другого.

Раскрывая правила социологического метода, Дюркгейм выделяет несколько групп: наблюдение социальных фактов, различия нормального и патологического, построение социальных типов к объяснению социальных фактов, доказательства. Особо следует отметить его разработку для исследований понимания «социального факта». Утверждая, что социальные факты надо рассматривать как вещи, объективно существующие, он тем самым подчёркивал необходимость объективного подхода. Кроме того, он считал, что социальные факты не должны рассматриваться разрозненно.

Упорядочивание социальных фактов, установление между ними связей являются одним из важнейших правил социологии. Установление причинных связей позволяет видеть зависимость социальных явлений от социальной среды, которая воздействует на социальные явления. Социология, раскрывая социальные факты, должна опираться на сравнения и сопоставления.

При объяснении социальных фактов Дюркгейм опирался на причинный и функциональный анализ. Он явился одним из идейных предтеч использования метода структурно-функционального анализа, сравнивая общество с организмом как системой органов и их функций.

2. У Дюркгейма понимание разделения труда и социальная солидарность связаны с тем, что разделение труда предопределяет социальную солидарность, которая, по его мнению, не просто явление, а высокая ценность, более того, высший моральный принцип, он универсален, так как его признают все, живущие в обществе.

Дюркгейм называет две формы социальной солидарности: механическую (в архаическом обществе) и органическую (в развитом обществе). Именно органическая солидарность в условиях различий между людьми выделяет личность и её индивидуальность.

Неотлаженные формы разделения труда разрушают социальные функции, что неизбежно ведет к возникновению кризисов, социальному неравенству и, наконец, к аномии общества, когда разрушается моральное регулирование поведения людей и они негативно относятся к социальным нормам.

Социологическая концепция Дюркгейма включала идею социологии как самостоятельной науки, обладающей возможностями создать основы научной реорганизации общества. Теоретическим обоснованием политики и идеологии буржуазного реформаторства являлась концепция социологизма.

В теоретическом плане социологизм утверждал принцип специфичности и автономности социальной реальности, её превосходство над индивидами.

В методологии социологизм опирался на принцип объективности научного подхода, объяснение социального социальным.

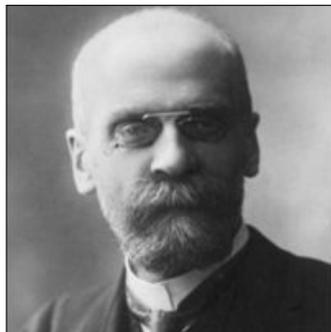
3. Социологизм у Дюркгейма присутствует в концепции религии. Он расширительно трактует религию как систему верований и обрядов, считая, что главный компонент религии – практическая религиозная деятельность (коллективное отправление обрядов). Религия отвечает на определённые общественные потребности, реализует общественные функции. Дюркгейм подразделяет все обряды на два вида: негативные и позитивные. В первом виде цель разграничения священного и светского, предотвращение осквернения священного через отречение, самопожертвование. Позитивное заключается в приобщении верующих к священному миру. Дюркгейм подчёркивал, что религиозные обряды реализуют социальную задачу – укрепление социальной солидарности общества, веры человека в свои силы. В своём понимании он лишил религию веры в сверхъестественное, в Бога.

В социологических исследованиях Дюркгейма значительное место занимают проблемы морали в обществе. Он выводит мораль из социальной среды, социальных условий и социальной структуры и рассматривает её как систему объективных правил поведения, подчёркивая, что отдельный индивид им обязан подчиняться. Основной признак морали – долг,

выполнение его делает человека моральным. Утверждая социальную сущность морали, как и религии, Дюркгейм видел их источником общества, превосходящее по авторитету и силе индивида.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Э. Дюркгейм (15 апреля 1858 г. – 15 ноября 1917 г.) родился в лотарингском Эпинале, закончил Высшую нормальную школу, затем в Париже продолжил образование, писал научные работы, создавал кафедру социологии. Первый курс социологии в качестве профессора он прочитал в г. Бордо. Это был и первый курс социологии во французских университетах.

В 1893 г. издаётся научный труд «О разделении общественного труда», затем в 1895 г. – «Правила социологического метода», в 1897 г. публикуется новая работа «Самоубийство».

1912 г. ознаменован написанием ещё одного фундаментального труда «Элементарные формы религиозной жизни». Ученого в эти годы интересуют социологические проблемы морального сознания, воспитания и образования. Он издает работу «Педагогика и социология». В 1914 г. начавшаяся мировая война привнесла большое горе и лично Дюркгейму – гибель его сына, что пагубно повлияло на его здоровье, и в 1917 г. Дюркгейм закончил свой земной путь.

ДЮРКГЕЙМ Э. СОЦИОЛОГИЯ. ЕЁ ПРЕДМЕТ, МЕТОД, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ*

Часть 1. МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Глава 1. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ

Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, важно узнать, что представляют собой факты, носящие данное название.

Вопрос этот тем более важен, что данный термин обыкновенно применяют не совсем точно.

*Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. С. 29–58, 193, 302–303.

Им зачастую обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо общий социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, человеческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Каждый индивид пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно. Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего собственного предмета и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа явлений, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается все-таки объективной, так как я не сам создал их, а усвоил их благодаря воспитанию. <...>

Такова, стало быть, категория фактов, отличающихся весьма специфическими свойствами; ее составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*. <...>

Итак, мы можем точно представить себе область социологии. Она охватывает лишь определенную группу явлений. Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами. А присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции, или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида выступить против него. Его можно определить также и по распространению его внутри группы, если только, в соответствии с предыдущими замечаниями, будет прибавлено в качестве второго основного признака, что он существует независимо от индивидуальных форм, принимаемых им при распространении. <...>

Наше определение будет, следовательно, полно, если мы скажем: *социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий*

в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений.

Глава 2. ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАБЛЮДЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ

*Первое и основное правило состоит в том, что социальные факты
нужно рассматривать как вещи. <...>*

Всякое научное исследование обращено на определенную группу явлений, отвечающих одному и тому же определению. Первый шаг социолога должен, следовательно, заключаться в определении тех вещей, которые он будет изучать, с тем, чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь. Это первое и обязательнейшее условие всякого доказательства и всякой проверки; в действительности можно контролировать какую-нибудь теорию, лишь умея различать факты, которые она должна объяснить. Кроме того, поскольку именно этим первоначальным определением устанавливается сам объект науки, то последний будет вещью или нет в зависимости от того, каким будет это определение.

Для того чтобы оно было объективным, нужно, очевидно, чтобы оно выражало явления не на основании идеи о них, а на основании внутренне присущих им свойств. Нужно, чтобы оно характеризовало их через составные элементы их природы, а не по соответствию их с более или менее идеальным понятием. Но в тот момент, когда исследование только начинается, когда факты не подверглись еще никакой обработке, могут быть добыты лишь те их признаки, которые являются достаточно внешними для того, чтобы быть непосредственно видимыми. Несомненно, признаки, скрытые глубже, более существенны. Их объяснительная ценность выше, но они неизвестны на этой фазе науки и могут быть предвосхищены лишь в том случае, если реальность будет заменена какой-нибудь концепцией. Следовательно, содержание этого основного определения нужно искать среди первых. С другой стороны, ясно, что это определение должно содержать в себе без исключения и различия все явления, обладающие теми же признаками, так как у нас нет ни основания, ни средств выбирать между ними. Эти свойства тогда – все известное нам о реальности; поэтому они должны иметь решающее значение при группировке фактов. У нас нет никакого другого критерия, который мог бы хотя бы отчасти ограничить действие предыдущего. Отсюда следующее правило: *Объектом исследования следует выбирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими для них внешними признаками, и включать в это же исследование все явления, отвечающие данному определению.* <...>

Часть 2. РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ
ЦЕННОСТНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ

<...> Ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом. Но и идеал дан нам в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность. Выражаемая связь, стало быть, соединяет два понятия точно так же, как в «реальном» суждении. Правда, можно сказать, что ценностные суждения опираются на идеалы. Но так же обстоит дело и с «реальными» суждениями. Ведь понятия – это также порождения духа, следовательно, идеалов. И нетрудно будет доказать, что это также коллективные идеалы, поскольку они могут формулироваться только в языке и через язык, представляющий собой вещь в высшей степени коллективную. Элементы суждения, стало быть, одни и те же в обоих случаях. Тем не менее, это не значит, что первое из этих суждений сводится ко второму или наоборот. Они подобны друг другу, так как являются результатом действия одной-единственной способности. Не существует одного способа мыслить и судить по поводу реального существования и другого способа – для оценки ценностей. Всякое суждение необходимо имеет основу в данных опыта; даже те суждения, что относятся к будущему, пользуются материалом либо из настоящего, либо из прошлого. С другой стороны, всякое суждение приводит в действие идеалы. Следовательно, существует и должна существовать только одна способность суждения.

Тем не менее, различие, отмеченное нами мимоходом, имеет место. Хотя всякое суждение приводит в действие идеалы, последние относятся к различным видам. Существуют такие идеалы, назначение которых только выражать реальности, к которым они прилагаются, выражать их такими, каковы они суть. Это понятия в собственном смысле. Существуют и другие, функция которых, наоборот, состоит в том, чтобы преобразовать реальности, к которым они относятся. Это ценностные идеалы. В первом случае идеал служит символом для вещи, способствуя ее усвоению мышлением. Во втором, наоборот, вещь служит символом для идеала и дает возможность представить ее себе разным людям. Естественно, суждения различаются согласно используемым ими идеалам. Первые ограничиваются анализом реальности и как можно более верным ее выражением. Вторые, наоборот, содержат высказывание о новом аспекте реальности, которым она обогатилась под действием идеала. И, несомненно, последний аспект также реален, но в другом качестве и иначе, чем свойства, внутренне присущие объекту. Доказательством этого утверждения служит то, что одна и та же вещь может или утратить имеющуюся у нее ценность или приобрести иную ценность, не изменяя свою природу; достаточно того, чтобы изменился идеал. Ценностное суждение, стало быть, добавляет нечто к данному, в известном смысле, хотя то, что оно добавляет,

взято у данного другого рода. Таким образом, способность суждения функционирует по-разному в зависимости от обстоятельств, но эти различия не нарушают фундаментального единства этой функции. <...>

КУРС СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

<...> Естественно, что вследствие своей значительной гибкости формы социальной жизни отличаются известной зыбкостью и неопределенностью; они менее доступны для научного наблюдения, труднее поддаются познанию. Поэтому лучше начинать не с них. Кроме того, они менее значимы и интересны и представляют собой лишь вторичный и производный феномен. Именно применительно к обществам справедливо главным образом утверждение, что структура предполагает функцию и вытекает из нее. Институты не устанавливаются декретами, они – следствие социальной жизни и лишь выражают ее вовне внешними символами. Структура – это утвердившаяся функция, это действие, которое выкристаллизовалось и стало привычкой. Следовательно, если мы не хотим видеть вещи с их чисто поверхностной стороны, если мы хотим постигнуть их корни, то нам необходимо обратиться главным образом к изучению функций. <...>

ТЕМА 5. ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. *Гносеологические предпосылки структурного функционализма.*
2. *Структурный функционализм Т. Парсонса.*
3. *Вклад Р. Мертона в развитие структурного функционализма.*

Ключевые слова: структурный функционализм, социальная структура, функции, эволюция.

1. Структурный функционализм – это социологическая теория и методология, трактующая общество как социальную систему, имеющую свою структуру, механизмы взаимодействия взаимосвязанных структурных компонентов (институтов, устойчивых образцов жизнедеятельности), каждый из которых выполняет свою собственную функцию. Он базируется на идее «социального порядка», с помощью которого общество поддерживает собственное равновесие, гармонизирует взаимоотношения всех своих компонентов.

Функционализм окончательно как теоретическая парадигма сформировался в 20–30-х гг. XX в. Однако его предпосылки возникли еще в предыдущем столетии. Так, основоположники социологии **Огюст Конт**¹ и **Герберт Спенсер**² сравнивали общество с единым биологическим организмом, все взаимосвязанные части которого выполняют свою важную функцию и развиваются по своим законам, обеспечивая согласие социума. Эволюция общества, по Спенсеру, приводит к одновременным изменениям в структуре и функциях, развиваясь по трем направлениям – от разъединенности к интеграции, от однородности к дифференциации и от неопределенности к определенности, упорядоченности.

Немецкий социолог **Рихард Турнвальд (1869–1954)** в книге «Человеческое общество в его этносоциологических основах» (1981) сформулировал основы для развития «функциональной социологии», рассматриваю-

¹См.: *Конт О.* Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 296 с.

²См.: *Спенсер Г.* Основания психологии. М. : ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. С. 560.

щей общество как единый функциональный институт в самых различных его проявлениях³.

Английский социолог польского происхождения **Бронислав Каспар Малиновский (1884–1942)**, стремясь построить логически стройную и эмпирически обоснованную теорию культуры, сформулировал общие аксиомы функционализма применительно к культуре. Он рассматривал ее как систему объектов, институтов, видов деятельности и установок, интегральное целое, все функциональные элементы которого находятся во взаимосвязи и каждая часть которого является средством достижения цели удовлетворения потребностей порядка, равновесия и организации общества⁴.

Английский социолог и антрополог Альфред **Реджинальд Рэдклифф-Браун (1881–1955)** в своей основной работе «Метод в социальной антропологии» (1958) создал научное направление, получившее название «английский структурализм» («структурный функционализм»), а свой метод изучения культур называл функциональным⁵. По его мнению, в качестве элементов социальной системы выступают человеческие существа как совокупности поведенческих явлений. Социальная система включает в себя: социальную структуру, общую совокупность социальных обычаев, специфический образ мыслей и чувств, связанных с социальными обычаями. Социальная структура – основное методологическое понятие. Он рассматривал ее как сеть социальных отношений, включающих устойчивые социальные группы, социальные категории, классы и социальные роли. Причем каждая социальная структурная система является самоподдерживающейся, гомеостатической, гармонической функциональной единицей. «Функция» в концепции Рэдклиффа-Брауна – это проявление структуры в действии, социально стандартизированный способ деятельности, мышления, направленный на поддержание существования социальной структуры.

Большой вклад в развитие теории структурного функционализма внес выдающийся французский социолог **Эмиль Дюркгейм (1858–1917)**, раскрывший в своих трудах «О разделении общественного труда» (1893), «Самоубийство» (1897), «Элементарные формы религиозной жизни» (1912)⁶ подлинно структурно-функциональное понимание социальной системы с выяснением её важных элементов с позиций социального ре-

³Подробнее см.: *Корякин К. В.* Этносоциология (в немецкоязычных странах) // *Культурология. Энциклопедия* / гл. ред. С. Я. Левит. М. : РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 1129–1131.

⁴См.: *Малиновский Б.* Функциональный анализ // *Антология исследований культуры. Интерпретации культуры.* 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 684, 698–701.

⁵См.: *Рэдклифф-Браун А. Р.* Метод в социальной антропологии / пер. с англ. и заключит. ст. В. Николаева. М. : «КАНОН-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2001. 416 с.

⁶См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996; *Он же.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М. :

ализма. Он доказал приоритет структур и функций общества по отношению к индивиду, его функциям, ценностям и поведению ради сохранения целостности границ социальной системы. Социологическое изучение социальной системы предполагает, по Дюркгейму, понимание ее наиболее важных элементов, как социальных фактов, а также характера связи и взаимодействие между ними. Это он называл функциональным анализом социальной системы. Социологическое объяснение фактов, реальностей, явлений и процессов, исследуемых отдельно друг от друга, должно происходить в терминах социальных функций, укорененных в природе самого общества.

По мнению Дюркгейма, важнейший вклад в общественную стабильность и развитие взаимодействия людей вносит функциональное разделение труда между индивидами.

2. Основоположником структурного функционализма считается один из создателей современной теоретической социологии, американский социолог **Толкотт Парсонс (1902–1979)**, который в исследованиях опирался на концепции Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, Б. Малиновского и других. Из многочисленных публикаций Парсонса наибольшую известность в научном мире получили: «Структура социального действия» (1937), «Социальная система» (1951), «Семья, социализация и интерактивный процесс» (1955), «Социальная структура и личность» (1964), «Социальная эволюция и сравнительные перспективы» (1966), «Социальная теория и современное общество» (1967), «Система современных обществ» (1968, 1971), «Социальная система и эволюция теории действия» (1977), «Теория действия и человеческое состояние» (1978)⁷.

Структурный функционализм Парсонс трактовал двояко. С одной стороны, это высоко абстрактное, жёстко кодифицированное теоретическое построение, претендующее на универсальное объяснение социальной реальности (парадигма). С другой – это методологический принцип исследования социальных явлений и процессов как системы, в которой каждый

Канон, 1995. 352 с.; *Он же*. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1999. 456 с.; *Он же*. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с фр. В. Земсковой ; под науч. ред. Д. Куракина. М. : Элементарные формы, 2018. 808 с.

⁷Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня : Проблемы и перспективы / Р. К. Мертон, Л. Брум, Л. С. Котрелл. М. : Прогресс, 1965. С. 25–67; Американская социология : Перспективы. Проблемы. Методы / под ред. Т. Парсонса. М. : Прогресс, 1972. 392 с.; Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122; *Он же*. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. М. : Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525; *Он же*. Система современных обществ. М. : Аспект-Пресс, 1997. 268 с.; *Он же*. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2002. 880 с.; *Он же*. Социальная система. М. : Академический проект, 2018. 529 с.

элемент структуры имеет определенное назначение (функцию). Социология, по его мнению, призвана изучать функции социальных институтов и социальные действия индивидов, которые занимают определённое место в социальной структуре общества (статусы) и исполняют предписанные общественными нормами и ценностями социальные роли. Под функцией любого социального явления, учреждения, института или процесса Парсонс понимал роль, которую они выполняют по отношению к целому (например, функция государства, семьи и т. д.), их вклад в развитие общества. При этом он подчеркивал тесную связь между статикой и динамикой, социальной системой и социальной структурой социума. Главными системообразующими признаками он считал адаптивность, целенаправленность, координацию всех компонентов общества, стабильность его ценностей.

Исходной единицей структурно-функционального анализа общества Парсонс считал «элементарное социальное действие», которое регулируется символическими (знаки, язык), нормативными (ценности, нормы) и волюнтаристскими (верования, иррациональные мотивы) механизмами. В основе социального действия лежит взаимная ориентация действующих лиц в соответствии с наличием у них общих ценностей.

Под системой социальных действий Парсонс понимал любой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных взаимодействий субъектов и объектов действия. Так как для Парсонса действующее лицо – это конкретный комплекс социальных ролей, то система социальных действий – это совокупность институционализированных действий по реализации определенных социальных функций. К основным функциям общества он относил: функцию адаптации (приспособление к внешней окружающей среде); функцию целедостижения (удовлетворение разнообразных потребностей); функцию интеграции (снятие напряженности, обеспечение бесконфликтных отношений); функцию поддержания образца (воспроизводство социальной и ценностно-нормативной структуры).

Структуру социального действия составляют: действующее лицо (субъект, «актор»); цель действия; условия и средства действия; нормативные предписания. В качестве действующего лица могут выступать как индивиды, так и социальные группы, обладающие субъективным видением происходящего и имеющие определенные цели действия, которые могут быть представлены на конкретном или аналитическом уровне. Цели действия бывают произвольными, случайными или осознанными, выбранными. Физические и культурные объекты составляют ситуацию социального действия. К условиям действия Парсонс относил те элементы окружающей среды, которые известны действующему лицу, а к средствам – те, которыми оно владеет или может овладеть.

В соответствии с социальными функциями Парсонс выделял в обществе четыре основные подсистемы: социальную, органическую, личност-

ную и культурную. Согласно его воззрениям, функционирование социальной подсистемы определяют выполняемые личностью социальные роли, а функция интеграции реализуется через правовые институты. При этом органическая, личностная и культурная подсистемы представляют собой окружающую среду социальной системы.

Несмотря на мировое признание Парсонса как классика социологии, его развиваемые на протяжении 40 лет социологические концепции подвергались резкой критике, главным образом со стороны сторонников феноменологической и конфликтной социологии, за излишнюю абстрактность теории и недооценку роли конфликтов в развитии общественных подсистем.

3. Роберт Мертон является одним из наиболее ярких представителей структурно-функционального направления в социологии, внесшим большой вклад в его развитие и адаптацию к практике. На концепцию Мертона оказали значительное влияние работы М. Вебера, У. Томаса, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса. Структурный функционализм Мертона нацелен на анализ социальных систем на среднем уровне, конкретизируя парсоновскую функциональность систем и структур, которые обеспечивают социальный порядок. Социальные явления рассматриваются им, прежде всего, как структуры, определяющие поведение людей и ограничивающие их рациональный выбор. Он больше внимания уделял дисфункциям и дисфункциональности, которые приводят к увеличению напряженности, противоречиям, нарушениям порядка в обществе. В таком случае речь идет о плохой адаптации основных его структур.

Центральным положением концепции Мертона является учение о формах функций – скрытой (латентной) и явной. Данное различие функций было введено им для объяснения определенных общественных явлений, когда необходимо учитывать не только ожидаемые и наблюдаемые следствия, но неопределенные, побочные, вторичные. Термины «явное» и «латентное» он заимствовал у Фрейда, который использовал их совсем в другом контексте. Латентная функция возникает, когда речь заходит о неосознанных и непреднамеренных последствиях социальных действий, а вторая – о преднамеренных и объективных. В качестве примера Мертон приводит ритуальные танцы племени хопи по вызыванию обильного дождя, имеющие латентную функцию укрепления групповой солидарности, поддержания устойчивости и непрерывности племени вне зависимости от того, пойдет ли после этого церемониала дождь или нет.

Явные функции социальных институтов носят преднамеренный характер и осознаются людьми. Обычно они формально заявлены, записаны в уставах или декларированы, закреплены в системе статусов и ролей (например, принятие специальных законов или сводов правил: об образовании, здравоохранении, социальном обеспечении и т. д.), поэтому более

подконтрольны обществу. Основной, общей функцией любого социального института является удовлетворение социальных потребностей, ради которых он был создан и существует. Для осуществления этой функции каждому институту приходится выполнять ряд функций, обеспечивающих совместную деятельность людей, стремящихся к удовлетворению потребностей. Это следующие функции: функция закрепления и воспроизводства общественных отношений (система правил и норм поведения, закрепляющих, стандартизирующих поведение каждого члена института и делающих это поведение предсказуемым); регулятивная функция (выработанный социальным институтом шаблон поведения, норм и контроля, регулирующий взаимоотношения между членами общества); интегративная функция (процессы сплочения, взаимозависимости и взаимответственности членов социальных групп, происходящие под воздействием институционализированных норм, правил, санкций и систем ролей); транслирующая функция (передача социального опыта приходившим в социальный институт новым людям как за счет расширения социальных границ института); коммуникативная функция (распространение произведенной в институте информации с целью управления и контроля за соблюдением норм).

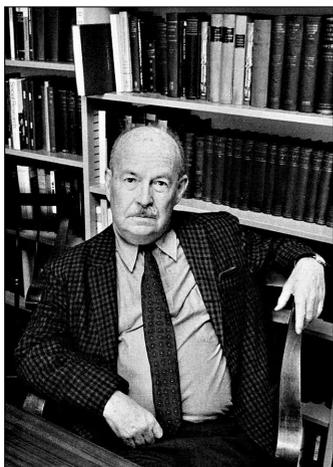
Главную задачу социологии Мертон видел в изучении не столько явных, сколько скрытых, латентных функций. Латентные функции социальных институтов, в отличие от явных, не запланированы заранее, носят непреднамеренный характер и их последствия осознаются не сразу и не всегда (если даже осознаются и признаются, то считаются побочным продуктом), а порой и вовсе остаются неосознанными до конца. Американский социолог предупреждал об ошибочности отождествления мотивов и функций, поскольку первые выступают как субъективные категории, вторые – как объективные. Мотивы и функции изменяются независимо друг от друга.

Теория функционализма Мертона выделяет пять типов адаптации: конформизм, когда общественные цели и способы достижения человеком полностью принимаются; инновационность, когда осмысливаются только социальные цели; ритуализм, когда признаются способы достижения; ретретизм отрицает и то, и другое; мятеж подразумевает наличие протеста.

Мертоновские дополнения к функциональному анализу включают возможность понимания того, что социальные структуры, будучи дифференцированы, могут вызывать социальные конфликты, одновременно способствующие как изменениям элементов структуры, так и ее самой. Мертон сформулировал основную теорему функционального анализа, которая гласит: «Точно так же как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, так и одна и та же функция может по-разному

выполняться различными явлениями»⁸. Заслуга Мертона состоит в том, что он первым в рамках структурно-функционального направления в социологии представил целостную теоретическую схему рассмотрения науки как социального феномена.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Толкотт Парсонс (13 декабря 1902 г. – 8 мая 1979 г.) родился в г. Колорадо-Спрингс (штат Колорадо, США). В семье было пятеро детей. Окончил среднюю школу в Нью-Йорке, поступил в Амхерст-колледж, где изучал биологию, социологию и философию, получил степень бакалавра.

С 1924 по 1927 г. учился в знаменитой Лондонской экономической школе. Подготовил докторскую диссертацию на тему «Капитализм в современной немецкой литературе: В. Зомбарт и М. Вебер», которую защитил в 1927 г. В этом же году женился на Хелен Уолкер. С 1927 по 1973 г. работал на социологическом факультете Гарвардского университета. В 1945 г. создал

новый факультет социальных отношений, где занимал пост декана в течение первых 10 лет и продолжал трудиться на факультете вплоть до его роспуска в 1972 г.

Начиная с 1973 г. Парсонс преподавал в университетах Пенсильвании, Брауна, Рутжерса, Чикаго и Калифорнии в Беркли. Избирался президентом Американской социологической ассоциации в 1949 г., членом и президентом Американской академии искусств и наук, других социологических учреждений, а в 1960-х гг. XX века возглавлял Комитет по связям с советскими социологами.

За день до смерти он выступил с лекцией о снижении значимости социального класса для аудитории немецких интеллектуалов, в том числе Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Р. Мюнха и В. Шлюхтера. Парсонс умер от инсульта 8 мая 1979 г. в Мюнхене во время поездки в Германию, где он праздновал 50-летие своей Гейдельбергской степени доктора философии.

⁸Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 396.

ПАРСОНС Т. О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ*

<...> Структурно-функциональную теорию можно рассматривать <...> как некоторый этап более общего развития теоретической мысли в социальных науках. Мне кажется, что этот этап характеризуется, прежде всего, тем, что становится особенно важным понятием системы. В то же время этот этап воплощает в себе интерес к системам, которые характеризуются именно стремлением подойти как можно ближе к значительным эмпирическим обобщениям и проблемам... С точки зрения такой широкой концепции <...> можно наметить две принципиальные особенности структурно-функциональной теории в социологии... Можно сказать, что эти особенности сводятся к двум основным содержательным категориям. <...> Первая особенность состоит в отнесении действия к культурному содержанию с присущими ему комплексами символически значимых стандартов, которые обладают нормативным значением для актора, <...> определяющими то, что он должен делать, и дифференцирующими в определенной степени данные способы действия. Другая особенность состоит в рассмотрении психологической мотивации актора с точки зрения удовлетворения или неудовлетворения его интересов. Эти интересы сталкиваются в отношениях между акторами, связанными как с нормативными культурными компонентами системы, так и с внешней, т. е. выходящей за сферу действия, средой <...> (с. 675–676).

<...> Логический тип обобщенной теоретической системы может быть назван «структурно-функциональной» системой <...>. Одна из главных функций *системы* на этом уровне заключается в обеспечении полноты рассмотрения, в установлении методологической невозможности упустить что-либо важное и, таким образом, – в эксплицитном описании *всех* существенных и структурных элементов и связей в системе... С другой стороны, такая система должна включать ряд динамических функциональных категорий. Они должны непосредственно взаимодействовать со структурными категориями и описывать процессы, посредством которых эти частные структуры сохраняются или распадаются, а также те отношения системы, которые связывают ее со средой <...> (с. 389).

<...> Структура – это совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами. А поскольку элементом социальной системы является актор, то социальная структура представляет собой стандартизированную систему социальных отношений между акторами. <...> Следовательно, <...> социальная структура представляет собой систему стандартизированных отношений акторов, выполняющих

*Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2002. С. 389–408, 675–684.

роли относительно друг друга. Понятие роли соединяет подсистему действующего лица как психологической единицы с определенной социальной структурой <...> (с. 405).

<...> С этой точки зрения существенным аспектом социальной структуры является система стандартизированных ожиданий, которая определяет *правильное* поведение личности, исполняющей некоторые роли, основанные как на ее собственных позитивных мотивах конформности, так и на санкциях других. Такие системы стандартизированных ожиданий, рассматриваемые по их месту в тотальной системе и достаточно глубоко пронизывающие действие <...> условно называются «институтами». Следовательно, основным структурным стабильным элементом социальных систем <...> является структура институциональных стандартов, определяющих роли входящих в нее акторов <...> (с. 406.)

С функциональной точки зрения институционализованные роли представляют собой механизм, интегрирующий весьма разнообразные возможности «человеческой природы» в единую систему, способную преодолеть ситуационные крайности, с которыми общество и его члены постоянно сталкиваются. Институционализованные роли выполняют две функции по отношению к этим возможностям. Первая состоит в отборе таких возможностей поведения, которые «удовлетворяют» потребностям и укладываются в пределы данной стандартизированной структуры; другие типы поведения при этом подавляются или ими пренебрегают. Вторая функция должна обеспечить через механизмы взаимодействия максимум мотивационной поддержки действию, соответствующему ролевым ожиданиям <...> (с. 407).

<...> Институты понимаются как факторы, контролирующие действия человека в обществе, и как следствия их. Следовательно, в качестве системы они должны быть одновременно связаны как с функциональными потребностями акторов – индивидов, так и с социальными системами, которые они образуют. Таким образом, основным структурным принципом ... является принцип функциональной дифференциации <...> (с. 408).

<...> Структурные изменения потенциально присущи всем социальным системам. Поэтому вопрос о том, какие структуры и при каких условиях могут измениться в некоторые другие структуры, является неотъемлемым вопросом, внутренне присущим структурному анализу. По моему убеждению, без функциональных оснований невозможно осуществить концептуальный анализ проблем в любом из этих или во всех трех направлениях <...> Понятие функции становится тогда исходной точкой для формулировки проблем, которая <...> устанавливает их значение для главного понятия – системы. (С. 681–684). Именно понятие функции, включающее в себя <...> систематическую классификацию функ-

ций различного типа, составляет исходное теоретическое основание для структурного анализа. <...>

ПАРСОНС Т. СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ*

<...> Мы рассматриваем социальные подсистемы как составную часть более общей системы действия, другими составляющими которой являются культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы, – все это абстракции, аналитически вычленимые из реального потока социального взаимодействия. В нашем подходе три только что перечисленные подсистемы общей системы действия трактуются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды. ...Различение четырех указанных подсистем действия носит функциональный характер. Оно проводится на основе четырех первичных функций, присущих, по нашим представлениям, любым системам действия, – это функции воспроизводства образца, интеграции, целедостижения и адаптации <...> (с. 13–14).

<...> Первичная интегративная проблема любой системы действия состоит в координации составляющих ее элементов, прежде всего человеческих индивидов, хотя в определенных целях в качестве субъектов действия можно рассматривать и коллективы. Интегративная функция приписывается здесь преимущественно социальной системе <...> (с. 15).

За культурной системой закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Если в социальных системах на первом месте стоят проблемы социального взаимодействия, то культурные системы складываются вокруг комплексов символических значений – кодов, на основе которых они структурируются, особых сочетаний символов, в них используемых, условий их использования, сохранения и изменения как частей систем действия.

Личности индивида отводится главным образом исполнение целедостиженческой функции. Личностная система – это главный исполнитель процессов действия и, значит, воплощения культурных принципов и предписаний <...> (с. 16).

Все эти взаимосвязи схематично представлены в таблице 1. В этой таблице представлено самое примитивное схематическое описание основных подсистем и соответствующих им функций, присущих общей системе действия, в которой социальная подсистема является одной из четырех подсистем, которая специализируется на выполнении интегративной функции <...> (с. 16).

*Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 13–17.

Действие

Подсистемы	Преимущественные функции
социальная культурная личностная поведенческий организм	интеграция воспроизводство образца целесообразность адаптация

<...> социальные системы предстают как системы «открытые», находящиеся в состоянии постоянного взаимодействия на входах и выходах в окружающую среду. Кроме того, они изначально дифференцированы на различные подсистемы, которые также постоянно вовлечены в процессы взаимодействия <...> (с. 17).

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Роберт Кинг Мертон (урождённый Меер Роберт Школьник) (4 мая 1910 г. – 23 февраля 2003 г.) родился в Филадельфии в семье еврейских иммигрантов из России, портного и плотника Аарона Школьника (впоследствии Гарри Школьника) и Иды Расовской, прибывших в США в 1904 г. В юности Меер Школьник увлёкся фокусами и подумывал о карьере иллюзиониста. С этой целью он решил изменить имя, чтобы исключить ассоциации со своим иммигрантским происхождением, и в конце концов остановился на варианте «Роберт Мертон», взяв основное своё имя в честь французского иллюзиониста Робер-Гудена.

Образование получил в Темпльском (1927–1931) и Гарвардском (1931–1936) университетах. В последнем главой департамента социологии был Питирим Сорокин. В Гарварде Роберт К. Мертон защитил докторскую диссертацию и начал преподавательскую деятельность. Большую часть своей карьеры преподавал в Колумбийском университете, где достиг звания профессора университета.

С 1942 по 1970 г. работал зам. директора Бюро прикладных социальных исследований, с 1976 г. возглавлял Центр социальных наук. В 1957 году Мертон избран президентом Американской социологической ассоциации. Мертон – автор более 10 книг. Ещё столько же вышли под его редакцией.

Умер Мертон в 2003 г. в Нью-Йорке. Его сын, Роберт Мёртон, стал лауреатом Нобелевской премии по экономике.

МЕРТОН Р. К. ЯВНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ ФУНКЦИИ*

<...> **Парадигма для функционального анализа в социологии.** В качестве первого опытного шага в направлении кодификации функционального анализа в социологии предлагается парадигма понятий и проблем, которые являются центральными для данного подхода. Как скоро станет ясным, основные компоненты данной схемы возникли в ходе предыдущего изложения из критического рассмотрения терминологии, постулатов, понятий и идеологических ориентации, приписываемых функциональному анализу. В схеме они собраны вместе в компактной форме, что позволяет одновременно рассматривать основные требования функционального анализа и помогает исследователю вносить коррективы в выдвигаемые им интерпретации, чего трудно достичь, когда понятия разбросаны и скрыты в длинных рассуждениях. Данная парадигма дает нам основное ядро понятий, методик и выводов функционального анализа <...> (с. 412–413).

<...> **1. Явление (явления), которому приписываются функции.** Все социологические явления могут подвергаться – а многие из них и были подвергнуты – функциональному анализу. Основное требование состоит в том, чтобы объект анализа представлял стандартизованное (т. е. типизированное, повторяющееся) явление, такое, как социальные роли, институциональные типы, социальные процессы, культурные стандарты, эмоциональные реакции, выраженные в соответствии с нормами данной культуры, социальные нормы, групповые организации, социальные структуры, средства социального контроля и т. д. Основной вопрос: что должно входить в протокол наблюдения данного явления, если оно должно быть подвергнуто систематическому функциональному анализу?

<...> **2. Понятия субъективных предпосылок (мотивы, цели).** На некотором этапе функционального анализа мы неизбежно прямо или косвенно обращаемся к представлениям о мотивах деятельности индивидов, включенных в исследуемую систему. ...Эти понятия субъективных склонностей часто ошибочно отождествляются со связанными с ними, но отличными от них понятиями объективных последствий некоторого мнения, убеждения и поведения. Основной вопрос: в каких типах аналитических исследований достаточно брать наблюдаемые мотивации как первичные

*Мертон Р. К. Явные и латентные функции / пер. Ю. Асеева // Американская социологическая мысль : тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 379–448. Впервые опубликовано в кн. : Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М. : [б. и.], 1968. Вып. 1. С. 82–179.

факты, как данные, и в каких их следует рассматривать как проблематичные, производные из других данных? <...> (с. 413).

<...> **3. Понятия объективных последствий (функции, дисфункции).** В современных истолкованиях понятия «функция» существует два типа неточностей: 1) тенденция ограничивать социологические наблюдения позитивными вкладами социологического явления в социальную или культурную систему; 2) тенденция путать субъективную категорию мотива с объективной категорией функции. Для устранения этой путаницы требуются соответствующие концептуальные разграничения.

Первая проблема требует понятия множественности последствий и чистого балансового итога совокупности последствий. Функции – это те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы. Дисфункции – это те наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы. <...> Вторая проблема, возникающая при неточном употреблении понятия мотивов и функций, требует от нас введения понятийного разграничения между случаями, в которых субъективные цели совпадают с объективными последствиями, и случаями, когда они расходятся. Явные функции – это те объективные последствия, которые вносят свой вклад в регулирование или приспособление системы и которые входили в намерения и осознавались участниками системы. Латентные функции, соответственно, те объективные последствия, которые не входили в измерения и не были осознаны. Основной вопрос: каковы результаты превращения ранее скрытых функций в явные функции (включая проблему роли знания в человеческом поведении и проблемы «манипуляции» человеческим поведением)?

<...> **4. Понятия социальной единицы, обслуживаемой функцией.** Мы уже видели те трудности, которые возникают при ограничении анализа функциями, выполняемыми для «общества» в целом, поскольку явления могут быть функциональными для одних индивидов и подгрупп и дисфункциональными для других. <...> (с. 414–415).

<...> **5. Понятие функциональных требований (потребности, предпосылки существования).** Функциональный анализ и всякое исследование, с ним связанное, предполагает подразумеваемое или явно выраженное понятие функциональных требований рассматриваемой системы. <...> Отсюда возникает трудная проблема установления типов функциональных требований (всеобщих vs. специфических) и методов проверки теоретических предположений относительно данных требований. Основной вопрос: что необходимо для установления законности применения такой переменной, как «функциональное требование», в ситуации, где невозможно строгое экспериментирование?

6. Понятие механизмов, через которые выполняются функции.

Функциональный анализ требует «конкретного и детального объяснения механизмов», с помощью которых выполняется функция. Это относится не к психологическим, а к социальным механизмам (т. е. разделение по ролям, обособление институциональных требований, иерархическое расположение ценностей, социальное разделение труда, ритуалы и церемонии и т. д.). Основной вопрос: имеется ли в нашем распоряжении полный перечень социальных механизмов, аналогичный, скажем, обширному перечню психологических механизмов? Каковы методологические проблемы, связанные с различием действий этих социальных механизмов?

7. Понятие функциональных альтернатив (функциональных эквивалентов или заменителей). Как мы уже установили, если мы отказываемся от необоснованного положения о функциональной необходимости конкретных социальных структур, то мы испытываем потребность в некотором понятии функциональной альтернативы, эквивалента или заменителя. Это ставит перед нами проблему определения диапазона изменчивости явлений, оставаясь в котором, они могут выполнять определенную функцию. Этот диапазон вносит подвижность в застывшую картину существующего и неизбежного. Основной вопрос: поскольку научное доказательство эквивалентности предполагаемых функциональных альтернатив требует в идеальном случае строго поставленного эксперимента и поскольку это часто практически неосуществимо в крупномасштабных социологических ситуациях, то какие практические методики исследования смогли бы наиболее полно заменить логику эксперимента?

8. Понятия структурного контекста (или ограничивающего влияния структуры). Диапазон вариаций в явлениях, при которых они могут выполнять соответствующие функции в социальной структуре, не является беспредельным. Взаимозависимость элементов социальной структуры ограничивает фактические возможности изменений или функциональных альтернатив. <...> Непонимание значения взаимозависимости и ограничивающего воздействия структуры ведет к утопическому мышлению, в котором молчаливо предполагается, что определенные элементы социальной системы могут быть устранены, не повлияв при этом на всю систему. <...> Основной вопрос: насколько данный структурный контекст ограничивает диапазон вариаций явлений, в котором они могут эффективно удовлетворять функциональные требования? Можно ли найти при условиях, которые еще следует определить, некоторую неопределенную сферу, в которой любая из широкой совокупности альтернатив будет выполнять данную функцию?

9. Понятие динамики и изменения. Мы отмечали, что функциональный анализ имеет тенденцию сосредоточивать внимание на статике социальной структуры и пренебрегать изучением структурных изменений.

Такое подчеркивание статики не является внутренне присущим теории функционального анализа. <...> Понятие дисфункции, которое связано с напряжением, принуждением, давлением на структурном уровне, дает некоторый аналитический метод изучения динамики и изменений. Каким образом наблюдаемые дисфункции могут иметь место в конкретной социальной структуре, не вызывая ее нестабильности? Создает ли накопление напряженности и деформаций в социальной системе некоторую силу, которая стремится направить изменения таким образом, чтобы они приводили к уменьшению напряженности? Основной вопрос: сосредоточивая преимущественное внимание на понятии социального равновесия, не игнорируют ли тем самым функциональные аналитики явление социального неравновесия? Какие находящиеся в нашем распоряжении методики позволяют социологу более точно определять накопление напряжений и деформаций в социальной системе? В какой мере знание структурного контекста позволит социологу предвидеть наиболее вероятные направления социальных изменений? <...> (С. 416–417).

<...> **10. Проблемы, связанные с установлением достоверности положений функционального анализа.** Установление истинности тех или иных положений ... теории требует, прежде всего, разработки строгих методик анализа, приближающихся, насколько возможно, к логике экспериментального исследования. Это требует систематического рассмотрения всех возможностей и недостатков сравнительного функционального анализа (как межкультурного, так и межгруппового). Основной вопрос: в какой степени функциональный анализ ограничен трудностью определения адекватных выборок социальных систем, которые могут быть подвергнуты сравнительному (квазиэкспериментальному) изучению? <...> (с. 417).

ТЕМА 6. ТВОРЦЫ СОЦИОЛОГИИ ЭЛИТЫ Г. МОСКА И В. ПАРЕТО

1. *Что изучает социология элиты?*
2. *Понятие, теории и признаки политической элиты.*

Ключевые слова: социология элиты, элита, контрэлита, политическая элита, политический профессионализм.

1. Само понятие «элита» происходит от латинского глагола *eligere* – выбирать, быть избранным и французского слова *elite* – лучшее, отборное, избранное. В своем первоначальном значении данное понятие не содержит ничего антигуманного и антидемократического и широко распространено в повседневной речи. Начиная с XVII века оно употребляется для обозначения товаров высшего качества, например кофе, зерна.

С конца XIX века категория «элита» стала использоваться для характеристики социальной группы, занимающей ведущее положение в социальной структуре общества. Одним из первых его употребил в 1897 г. итальянский социолог В. Парето. Понятие «политический и правящий класс», как отмечается в большинстве исследований по элитологической проблематике, употребил впервые один из родоначальников теории элиты Г. Моска. Однако данный факт в свете современных представлений подвергается сомнению, поскольку задолго до него применительно к интеллигенции использовал понятие «политический класс» в своей работе «Политика как наука» (1872 г.) один из родоначальников отечественной социологии, представитель теории органицизма А. И. Стронин.

Хотя понятие «элита» и стало активно использоваться только в конце XIX века, сами элитные слои давно находились в сфере внимания представителей научного гуманитарного знания. Одной из первых к анализу элитных слоев общества обратилась философия. Философское понимание элиты исходит из моральной оценки определенных типов человеческой деятельности и её определения как особого источника ценностей, которые поддерживаются и развиваются индивидами с высокими моральными качествами.

Значительно отличался от философского политологический подход к определению сущности элитных слоев. Как наука о политике, поли-

тология рассматривала элиту как один из субъектов политики, выполняющих функции управления и наделенных для этого соответствующими полномочиями и ресурсами. Ученые-политологи стремились прежде всего определить роль и место элиты в принятии властных решений.

Среди других наук, которые анализировали проблему элитных слоев, нельзя не вспомнить психологию, представители которой анализировали в первую очередь психологические основы формирования элиты, давали характеристику тех черт и мотивов, которые, по их мнению, способствуют приходу индивидов в состав элиты.

В отличие от всех названных выше наук, социология элиты стремится описать реальные социальные и политические процессы, которые весьма далеки от ценностного и нормативистского видения, развиваемого, в первую очередь, в трудах философов и политологов.

В имеющихся социологических исследованиях определяется место элиты не только в системе власти и управления различных уровней, но прежде всего в социальной структуре общества. Элита анализируется как особая социальная группа, имеющая сложную структуру и обладающая целым комплексом социальных показателей. Большое внимание отводится изучению социальных механизмов рекрутирования и особенностей функционирования элитных слоев в современном обществе. В рамках данной отрасли осуществляется также анализ различных типов, составляющих элитную группу, и выполняемых ими социально значимых функций. В целом социология элиты представляет собой относительно молодую, но динамично развивающуюся часть социологического знания, которая накопила значительный материал по исследованию различных элитных групп общества.

2. Элита, как особая социальная группа, является сложным, многоплановым социальным образованием. Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует, что в её составе существует множество автономных групп, которые можно выделить по нескольким основаниям. В зависимости от отношения к власти можно говорить о правящей и оппозиционной элитах. По характеру деятельности различают консенсусную и конфликтную элиты, а также элиту «львов» – сторонников неприкрытого насилия и элиту «лис», предпочитающих гибкие формы правления. Большинство исследователей, основываясь на критерии сфер общественной жизни, разделяют элиту на экономическую, религиозную, интеллектуальную, военную, политическую и др. Среди данных типов ведущие позиции занимает политическая элита, выполняющая функции управления и руководства.

Политическая элита привлекала и привлекает к себе внимание многих исследователей, представляющих различные отрасли знания: философию, политологию и, конечно, социологию.

Начало философскому осмыслению элитарности общества ... положили труды Конфуция и Платона. Конфуций делил общество на «благородных мужей» (правлящую элиту) и «низких людей» (простой народ), обосновывая это тем, что они следуют разным моральным заповедям. Первые подчиняются долгу и закону, вторые стремятся, по его мнению, только к выгоде и удовольствию.

Несколько иное объяснение делению общества на правящее меньшинство и управляемое большинство давал Платон. В отличие от Конфуция он связывал политическое неравенство с качеством души, присущим тому или иному сословию в государстве. При этом править, по его мнению, должны философы, так как они обладают разумной частью души, добродетель которой заключается в мудрости.

В целом, несмотря на различия, имеющиеся во взглядах мыслителей древности на основания деления общества, в их подходах к анализу элиты есть и некоторые точки соприкосновения. Прежде всего это относится к тому, что и Конфуций, и Платон, и многие другие представители философской науки свое понимание элиты обосновывали морально-нравственными критериями добра и справедливости. Элита оценивалась ими исключительно как источник ценностей, которые поддерживаются и развиваются индивидами с высокими моральными качествами. Тем самым характеристика элиты в трудах представителей философского направления больше исходила из желаемого образа, чем из реалий общественной жизни и политической практики.

Учитывая это, в конце XIX века известные итальянские социологи Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс, разрабатывая свои элитистские концепции, делали это на основе наблюдения за реальными политическими процессами и действиями представителей элиты. Приводимый в трудах названных мыслителей анализ элиты включал изучение природы общественного неравенства, форм элитообразования и её роли в обществе. Сущность созданной ими теории, названной впоследствии макиавеллистской, заключалась в постулатах об объективном и закономерном разделении вследствие естественного неравенства общества на правящее меньшинство и управляемое большинство, а также сплоченности элиты, направляющей общественное развитие и принимающей важнейшие решения.

Парето более широко рассматривал границы элитного слоя, включая в него всех лиц, кто продемонстрировал выдающиеся, наивысшие способности в своей сфере деятельности. При этом он обращал внимание в первую очередь на комплекс врожденных психических качеств¹. В представлении мыслителя, элита делится на правящую (прямо или опосредованно участвующую в управлении государством) и неправящую –

¹См.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 310–311.

контрэлиты. Циркуляция двух главных типов элит – «лисы», гибких руководителей, опирающихся в своей деятельности на метод переговоров, и «львов» – жестких, решительных, использующих преимущественно силу вождей, – не дает развиваться обществу застою.

Другой итальянский социолог Моска рассматривал элиту только применительно к политической сфере, определяя её как «политический класс», отличающийся относительной малочисленностью, осуществляющий все политические функции, монополизирующий власть и пользующийся присущими ей преимуществами. Важнейшими критериями, обеспечивающими доступ в правящий класс, отличающийся сплоченностью и структурной устойчивостью, являются организаторские способности, военная доблесть, богатство и происхождение². При этом организаторские способности Моска ставил на одно из первых мест в сравнении с другими признаками, отличающими представителей элитных слоев. Хотя в целом для правящего меньшинства и характерна ярко выраженная способность к управлению, однако, как замечал Моска, не всем его представителям присущи передовые, более высокие по отношению к остальной части населения качества.

Довольно близкой к отмеченным выше теориям Моски и Парето была концепция Михельса, исследовавшего социальные механизмы, порождающие элитарность общества, на примере отдельных организаций – партий. Как видно из сказанного выше, взгляды представителей макиавеллистского направления отличались значительной степенью аристократизма и, в некотором смысле, значительной долей антидемократизма.

По мере движения общества в сторону большей открытости и усиления в нем демократических тенденций данный подход все больше подвергался критике. В результате стали формироваться ценностные теории и концепции демократического элитизма и плюрализма элит, представители которых видели в элите наиболее ценный элемент общества, состоящий из лиц с высокими моральными, интеллектуальными и нравственными качествами. Представители данных теорий, отвергали сплоченность элиты, признавали наличие конкуренции между элитными группами и заявляли о совместимости современной демократии и элитарности общества. Роль элиты виделась им в сохранении демократических ценностей.

Не отрицая в целом принципиальных положений данной теории, следует признать, что с учетом реальностей общественной жизни данная трактовка нуждается в уточнении. Сегодня вряд ли можно безоговорочно утверждать, что составляющие политическую элиту индивиды – это всегда высоконравственные, интеллектуально развитые, одаренные природой люди, стремящиеся к власти во имя борьбы за интересы общества. История развития целого ряда государств не подтверждает это. Правители многих

²См.: Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187.

стран проводили и проводят политику для достижения тех целей и теми средствами, которые нередко идут вразрез с подлинными интересами народа. Доминирующим ориентиром при этом нередко выступает желание сохранить свою власть на продолжительный период.

В свете вышесказанного можно дать следующее определение политической элиты. Политическая элита – относительно небольшая социальная группа со сложной структурой, состоящая из лиц, профессионально занимающихся политической деятельностью и располагающих возможностями для воздействия на социальную среду посредством принятия важнейших политических решений.

Члены политической элиты занимают высшее положение в иерархии властных структур, прежде всего в исполнительной и законодательной власти, министерствах и ведомствах, политических партиях и общественных организациях.

Представители элиты (в первую очередь политической) обладают в большинстве случаев ярко выраженной интенсивностью социальных и психологических качеств, властных возможностей, знаний и профессиональных умений. Несмотря на то, что в идеале политический профессионализм выступает как совокупность знаний и навыков, а также поведения и действий, свидетельствующих о профессиональной подготовке, выучке, пригодности кого-либо, в реальности он приобретает либо теоретическую, либо практическую форму. Теоретический профессионализм в политике выражается в получении политическим деятелем специальной политической или юридической подготовки в соответствующих учебных заведениях.

Наряду с профессионалами-теоретиками в политике действуют профессионалы-практики. По мнению известного американского социолога Ч. Р. Миллса, к ним относятся люди, которые в результате выборов постепенно поднимаются на все более высокие ступени политической иерархии и имеют опыт в избирательных делах. Кроме них профессиональными политиками могут быть и лица, прошедшие школу бюрократической службы в государственном аппарате. И те и другие, отмечал Миллс, являются профессионалами хотя бы в том смысле, что их деятельность протекает главным образом в политической сфере³.

К числу важных особенностей политической элиты западные и отечественные исследователи относят устойчивость её внутренней структуры, в которой выделяют несколько слоев, и прежде всего правящую элиту и контрэлиту. Правящая элита включает в себя группу политических лидеров и чиновно-бюрократическую прослойку, которые непосредственно участвуют в выработке и реализации важнейших государственных решений; контрэлита – руководителей и лидеров крупных общественных орга-

³См.: Миллс Ч. Р. Властвующая элита. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. С. 311–312.

низаций, движений и объединений, не связанных напрямую с властными структурами, находящимися в оппозиции к ним.

В целом политическая элита является хотя и целостной, но весьма неоднородной по своему составу социальной группой. При этом её состав зависит как от внешних (особенностей социальной структуры общества), так и от внутренних (индивидуальных показателей конкретных лидеров, стиля их деятельности) факторов.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Гаэтано Моска (1 апреля 1858 г. – 8 ноября 1941 г.) – известный итальянский социолог, юрист, теоретик и историк политики. Окончил Палермский университет (1881), преподавал конституционное право в Римском и Туринском университетах (1885–1933). В 1924–1925 гг. преподавал современную и колониальную историю наследному принцу Умберто Савойскому. Активно участвовал в политической жизни. В 1887–1895 гг. был ревизором при палате депутатов. С 1909 по 1919 г. являлся депутатом парламента, в 1914–1916 гг. – заместителем министра колоний. В 1919 г. был избран пожизненным сенатором.

Моска являлся одним из основоположников политической социологии. Его основные идеи изложены в работах «О теории правления и парламентском правлении» (1884), «Современные конституции» (1887), «Элементы политической науки» (1896) (дополненное и переведённое на английский язык издание вышло в 2 томах в 1923 г., перевод известен под названием «Правящий класс»), «История политических доктрин» (1937) и др.

Известность Моска принесла созданная им теория «правлящего» и «политического» классов. Мыслитель одним первых (наряду с А. И. Строниным) использовал понятия «политический класс» и «правлящий класс». В своих трудах доказывал историческую неизбежность деления общества на правящее меньшинство и неорганизованное большинство, массу. При этом он, в отличие от другого родоначальника теории элит – В. Парето, довольно своеобразно интерпретировал природу неравенства и механизмы формирования правящего класса. Моска считал, что индивидов, образующих политическую элиту, отличают материальное, интеллектуальное и моральное превосходство и что самое главное – способности к управлению другими людьми. Хотя в целом

для правящего меньшинства характерна ярко выраженная способность к управлению, однако, как замечал Моска, не всем его представителям присущи передовые по отношению к остальной части населения качества.

Исследуя динамику элит, Г. Моска пришел к выводу, что без их обновления невозможна социальная стабильность, являющаяся основой общества. При этом правящая элита имеет опасную тенденцию к превращению в «закрытую», наследственную, что неизбежно ведет к её вырождению. Наиболее оптимальной, по мнению ученого, будет такая политическая система, которая, с одной стороны, не полностью закрыта для мобильности в элиту, а с другой – обеспечивает преемственность элиты как главную гарантию устойчивости политической системы.

МОСКА Г. ПРАВЯЩИЙ КЛАСС*

1. Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организациях, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса, или политического класса, как уже предпочли ранее определить его. Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит в соседних странах, и в действительности нам следовало бы попытаться воспринимать окружающий мир, в котором все люди были бы напрямую подчинены отдельной личности без отношения превосходства или субординации, или мир, в котором все люди в равной степени участвовали бы в политической жизни. Если в теории мы рассуждаем иначе, это отчасти связано с застарелыми привычками, которым мы следуем при размышлении, и отчасти с преувеличенным значением, которое придаем двум политическим фактам, кажущимся гораздо значительнее, чем есть на самом деле.

* Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–188.

Первый факт – достаточно только открыть глаза, чтобы это увидеть, – заключается в том, что в каждом политическом организме есть только один индивид, который является основным среди правящего класса как целого и находится, как мы говорим, у кормила власти. Это не всегда человек, обладающий законной верховной властью. В одних случаях рядом с наследным королем или императором премьер-министр или мажордом обладают реальной властью, гораздо большей, чем власть суверена, в других случаях вместо избранного президента правит влиятельный политик, который обеспечил выборы президента. В особых условиях вместо одного могут быть два или три человека, выполняющие функции верховных контролеров.

Второй факт обнаружить столь же несложно. Каким бы ни был тип политической организации, давление, вызванное неудовлетворительностью, недовольством управляемых масс, их чувствами, оказывает определенное влияние на политику правящего, или политического класса.

Но человек, стоящий во главе государства, определенно не состоянии был бы управлять без поддержки со стороны многочисленного класса, не мог бы заставить уважать его приказы и выполнять их; и, полагая, что он может заставить одного или действительно множество индивидов – представителей правящего класса осознавать авторитет его власти, этот человек определенно не может ссориться с данным классом или вообще покончить с ним. Если бы это было возможно, то ему пришлось бы сразу же создавать другой класс, без поддержки которого его действие было бы полностью парализовано. В то же время, утверждая, что неудовлетворенность масс может привести к свержению правящего класса, неизбежно <...> должно было бы существовать другое организованное меньшинство внутри самих масс для выполнения функций правящего класса. В противном случае вся организация и вся социальная структура будет разрушена <...>.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

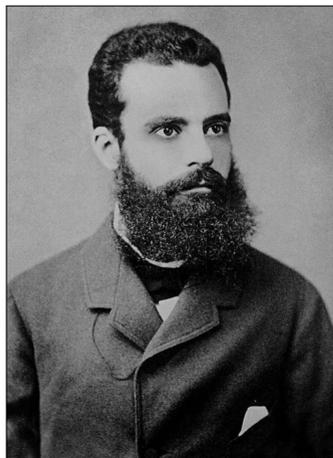
Вильфредо Парето (15 июля 1848 г. – 20 августа 1923 г.) – итальянский социолог, экономист. Родился в Париже в семье итальянского маркиза, высланного из Италии за свои либеральные и республиканские убеждения. В 1850 г. власти разрешили семье вернуться в Италию, где Парето получает классическое как гуманитарное, так и техническое образование. Окончил Политехнический университет в Турине. В 1869 г. защитил диссертацию на тему «Основные принципы равновесия твердых тел». Впоследствии понятие равновесия станет одним из центральных в его социологических и экономических трудах.

Новый период жизни начинается для ученого в 1893 г., когда он становится профессором политэкономии, а затем и руководителем кафедры в Лозаннском университете в Швейцарии, где проработает до 1906 г. В 1896 г. выйдет его «Курс политэкономии». Болезнь сердца заставит Парето временно оставить преподавательскую деятельность. После некоторого улучшения состояния здоровья ученый начинает работать над «Трактатом по общей социологии». С 1906 по 1923 г. занимался научными изысканиями в своем имении в Селинью. В 1912 г. он прекращает чтение курса политэкономии и сосредоточивается только на социологических исследованиях.

В начале 20-х гг. прошлого века ученый выпускает ряд важных социально-политических трудов, в том числе «Трансформацию демократии» (1921 г.), в которой в обобщенном виде изложены его основные социологические идеи.

В 1923 г. перед самой смертью был удостоен звания сенатора Итальянского королевства.

Вместе с Г. Моска является родоначальником теории элиты. В 1887 г. ввел в научный оборот понятие «политическая элита». В отличие от Моска В. Парето считал, что для элиты характерно наличие комплекса врожденных психологических свойств. По его мнению, в состав данной группы входят индивиды с самыми высокими индексами способностей. В составе элиты он выделял правящую группу и контрэли-ту, которая образуется из лиц, имеющих все атрибуты элиты, но не обладающих властью. Парето подчеркивал в своих произведениях, что элита не является раз и навсегда устоявшимся монолитом. В ней происходят изменения, осуществляется процесс циркуляции элит, препятствующий её деградации и упадку общества.

ПАРЕТО В. КОМПЕНДИУМ ПО ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ*

<...> 791. *Социальная гетерогенность и циркуляция различных групп общества.*

Мы уже не раз сталкивались с социальной гетерогенностью, и нам ещё придется много ею заниматься, чтобы рассмотреть условия соци-

*Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. 2. С. 59–65.

ального равновесия; следует поэтому подготовить почву для её объяснения, специально порассуждав здесь по данному поводу. <...> Нравится это некоторым теоретикам или нет, фактически человеческое общество неоднородно; люди различны физически, морально и интеллектуально. Мы намереваемся исследовать здесь реальные феномены, поэтому должны учитывать данное обстоятельство, а также принимать во внимание и другой фактор, а именно что социальные классы не отдалены друг от друга полностью даже там, где существуют касты, и что в современных цивилизованных нациях между ними происходит интенсивная циркуляция. <...>

792. *Элиты и их циркуляция.*

Начнем с теоретического определения данного феномена, точного, насколько это возможно; затем рассмотрим практические ситуации, необходимые для анализа в первом приближении. Мы пока не касаемся хорошей или плохой, полезной или вредной, похвальной или достойной порицания природы человеческих характеров; обратим внимание лишь на тот уровень, которым они обладают: низкий, посредственный, высокий, или точнее, на то, какой индекс может быть присвоен каждому человеку в соответствии с вышеозначенным уровнем его характера.

Итак, предположим, что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам. Например, самому лучшему специалисту дается индекс 10, такому, которому не удастся получить ни одного клиента, – 1 и, наконец, кретину – 0. Тому, кто сумел нажить миллионы (неважно, честно или нечестно), – 10, зарабатывающему тысячи лир – 6, тому, кто едва не умирает с голода, – 1, а находящемуся в приюте для нищих – 0. <...> Таким образом, мы составим класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который мы назовем избранным классом, элитой (elite); подразумевается, что граница, отделяющая её от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому как неточна граница между юностью и зрелым возрастом, что, однако, не означает, что бесполезно рассматривать эти различия.

793. Для исследования, которым мы занимаемся, исследованием социального равновесия – полезно также разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом и составляет элиту; остальные образуют управляющую элиту. <...> в правящую элиту входят люди с этикетками о принадлежности к политической службе достаточно высокого уровня, например министры, сенаторы, депутаты, начальники отделов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники, однако при этом необходимо исключить тех, кому удалось проникнуть в их ряды, не имея соответствующих полученной этикетке качеств. <...>

805. Первоначально военная, религиозная аристократии, торговцы, плутократия, за небольшими исключениями, которые мы не рассматриваем, непременно должны были входить в элиту, и иногда она состояла из них полностью. Победоносный воин, процветающий торговец, обогащающийся плутократ являлись в обыденном смысле именно людьми высшего уровня, каждый в своем деле. Тогда этикетка соответствовала действительному качеству; но затем, со временем, произошел разрыв, часто значительный, а порой очень значительный <...>.

ТЕМА 7. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ТЕОРИЯ ДЖ. Г. МИДА

1. *Основные положения символического интеракционизма.*
2. *Биография и идейные истоки научного творчества представителей символического интеракционизма:*

*Джордж Герберт Мид,
Чарльз Хортон Кули,
Герберт Блумер.*

Ключевые слова: символ, принятие роли, самость, обобщенный другой, значимый другой, «зеркальное Я», жест, гендерная роль, первичная группа, вторичная группа, самоидентификация, совместное действие, масса, общественность, социальное движение.

1. Символический интеракционизм (от англ. interaction – взаимодействие) – направление в социологии и социальной психологии, изучающее социальные взаимодействия в их символическом выражении. В рамках данного направления жизнь понимается как повседневное взаимодействие, а поведение человека рассматривается в социально ориентированной позиции как внешнее проявление внутреннего мира в практической жизни. Личность и общество – это продукт коммуникации, осуществляемой при помощи языка, телодвижений, жестов, культурных символов и сексуальных предпочтений. Символический интеракционизм опирается на труды американских социологов Джорджа Мида и Чарльза Кули, которые разработали исходные принципы этого социологического направления. Сам термин «символический интеракционизм» был введен в научный оборот в 1937 г. учеником Дж. Мида Гербертом Блумером.

Основные положения символического интеракционизма сводятся к следующему:

- люди взаимодействуют друг с другом, руководствуясь прежде всего символическими значениями, которые они придают тем или иным объектам;
- сами символы являются продуктом социального взаимодействия (интеракции) между людьми;

- символические значения возникают и изменяются посредством интерпретации и переопределения символов.

Представители интеракционизма утверждают, что индивид создает свои объекты на основе тех значений, которые он им придает, люди обретают свою человеческую природу благодаря тому, что взаимодействуют с помощью символов, важнейшие из которых представлены в языке. Именно язык является первейшим и основным фактором человеческого взаимодействия, все люди создаются в разговорах, – считают интеракционисты, если нет языкового общения, то нет и человека. При общении индивиды как бы обмениваются символами. Чтобы интеракция (общение) продолжалась, каждый вовлеченный в нее должен еще и интерпретировать намерения других с помощью принятия роли, т. е. поставить себя на место партнера. Само же общение есть обмен взаимопонятных символов с целью достижения практических результатов в совместной деятельности.

2. Основоположителем парадигмы символического интеракционизма является американский социолог **Дж. Мид (1863–1931)**. По Дж. Миду, специфика человека определяется отсутствием у него развитой системы инстинктов как основных регуляторов поведения. Поэтому человек вынужден применять символы, что является основой сознательного приспособления к окружающей среде. Взаимодействие между людьми происходит на основе особых средств – символов (жест – значение жеста – реакция). Жесты есть и у животных, но у человека они превращаются в символы, становятся «значимыми жестами». Смысл значимого жеста – спровоцировать у другого индивида желаемую реакцию. Мид выделил два типа действий: *незначимый жест* (автоматический рефлекс типа моргания) и *значимый жест* (в этом случае люди не реагируют автоматически на воздействие извне, а разгадывают значение поступка, прежде чем ответить на него). Значимое действие связано с осмыслением не только поступков, но и намерений. Для этого необходимо «поставить себя на место другого человека», «принять роль другого». Лишь придав значение жесту, мы можем на него реагировать. Человек становится членом общества (сообщества) по мере того, как усваивает образцы и нормы группового действия. В каждой группе имеются свои специфические нормы и ценности. Мид также ввел представление о ролевом поведении: поведение строится посредством «ролей», принимаемых на себя индивидом и «проигрываемых» им в процессе общения с другими людьми. «Я» у Мида целиком социально. Богатство и своеобразие «Я» зависит от разнообразия и широты его взаимодействий с окружающим миром. По Миду, структура личности выражается формулой: $Self = I + Me$ (Я-синтез = Я-сам + Я-меня), т. е. интегральное Я складывается из индивидуальных, скрытых мотивов («Я-сам») и совокупности установок, приходящих к индивиду извне («Я-меня»).

Другой представитель символического интеракционизма **Ч. Кули (1864–1929)** считал, что общество и личность изначально едины, одно можно объяснить через другое. Он выдвинул теорию «зеркального Я» – одну из первых социально-психологических концепций личности, которая исходила не из «природы» человека, а из взаимодействия людей. «Зеркальное Я» состоит из трех элементов: 1) как воспринимают нас другие (каким я кажусь другому); 2) как реагируют другие на то, что видят во мне (как другой оценивает мой образ); 3) как мы отвечаем на реакции других (специфическое чувство «Я»). Чувство «Я» не существует без соответствующих чувств «мы», «они» и т. д. С одной стороны, признак истинно социального существа – это способность выделять себя из группы и осознавать свое «Я». С другой стороны, обязательным условием этого выделения является общение с другими людьми и усвоение их мнений о себе. Сознательные действия людей всегда социальные: другие люди – это те зеркала, с помощью которых и формируется образ «Я» у человека. Личность есть реакция на мнения окружающих, сумма тех впечатлений, которые, как кажется человеку, он производит на окружающих.

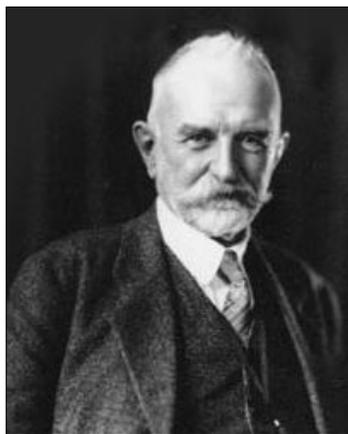
Герберт Блумер (1900–1987), будучи последователем Мида, также, как и Мид, выделяет два уровня взаимодействия – несимволический и символический. Различия между ними видит прежде всего в том, что несимволическое взаимодействие характерно для живой природы, тогда как символическое, определяемое наличием коммуникации между участниками интеракции посредством использования символов, присуще только человеческому обществу. Следовательно, речь идет о процессе взаимной интерпретации, на основании которой и рождается взаимное понимание. Описанный процесс касается не отдельного индивида, а как минимум (простейший случай) двух взаимодействующих людей. В таком случае, в процессе обоюдной интерпретации символов происходит своеобразное принятие и приписывание значений, которые и образуют символическую среду жизни, отношений, коммуникации, общения индивидов. Опираясь на прагматизм, Блумер исходит из того, что значение объекта определяется не присущими ему свойствами, а его ролью в поведении. Объект – это то, что он значит в ожидаемом и реальном социальном взаимодействии. Сами значения выступают как способ неразрывной связи и между индивидами, и между явлениями (объектами) в рамках символического взаимодействия. Люди приписывают значения символам, т. е. интерпретируют их, вследствие чего объекты, с которыми они взаимодействуют, наделяются смыслом. Однако смыслы не присущи вещам самим по себе и не являются чем-то индивидуальным. Они возникают в процессе взаимодействия и вписываются в него, поэтому по своей природе смыслы являются социальным феноменом. Но вместе с тем эти смыслы задаются и преобразуются благодаря процессу

их интерпретации людьми. Благодаря ей становится понятным, как стремится взаимодействовать с объектом индивид. На основании интерпретации может быть переопределена ситуация действия. Следовательно, одной из главных задач социологии является исследование способов практического осуществления людьми интерпретации смысла объектов в рамках их повседневной социальной жизни.

Достоинства и недостатки символического интеракционизма состоят в следующем: с одной стороны, он дает возможность понять социальное взаимодействие глубже, чем другая теория: люди не просто реагируют, но и интерпретируют поведение друг друга; однако с другой стороны, он излишне сосредоточен на субъективных аспектах взаимодействия, слишком большое значение уделяет роли символов и тем самым прижимает роль социальной структуры общества, оказывает преувеличенное внимание эпизодическому и преходящему; общество сводится к совокупности исполняемых ролей, однако нет анализа, откуда появляются сами социальные роли.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Джордж Герберт Мид (27 февраля 1863 г. – 26 апреля 1931 г.) родился в семье священника. Образование получил в ряде учебных заведений Америки и Европы. После окончания колледжа поступил в Гарвардский университет, затем продолжил обучение в университетах Лейпцига и Берлина, однако ни в каком из них так и не получил ученой степени. В 1894 г. Мид связывает свою преподавательскую карьеру с Чикагским университетом, в котором работает до последних своих дней. Идеи, высказанные ученым, объединили вокруг него большой круг учеников и последователей. Не случайно чикагская социологическая школа после смерти Мида стала ассоциироваться с его именем и называться символическим интеракционизмом. При жизни социолог не публиковал работы, которые бы в концентрированной форме излагали его идеи. То, что сегодня доступно читателю, – это отредактированные версии его научных заметок, а также лекции, записанные учениками. Среди них «Сознание, самость и общество», «Философия поступка», «Философия настоящего».

В своих работах Мид акцент делал на важности символов, особенно символов языковых при объяснении поведения как отдельных индивиду-

умов, так и социальных групп. Поэтому часто его взгляды характеризуются как социальный бихевиоризм. Ученый считал, что результаты социологии должны иметь практическое воплощение в решении социальных проблем. Свои воззрения Мид стремился претворить в жизнь, играя ключевую роль как в социальных исследованиях, так и в проводимом на их основе социальном реформировании.

Идейно-теоретические истоки воззрений Мида основывалось на широком круге теоретических источников, наиболее значимым среди них был бихевиоризм. Но если классический бихевиоризм пытался интерпретировать поведение людей, как простую реакцию на символ, без учета социального опыта индивида, особенностей его ментальности, то Мида интересует прежде всего роль сознания в поведенческом действии, причем не только самого индивида, но и окружающих его людей. Мид акцентирует роль жизненного опыта, считает, что он оказывает существенное влияние на характер действия индивида в реакции на конкретный символ. Другим источником был прагматизм. В прагматизме выражалось убеждение в безграничных возможностях науки, а также в превосходстве эмпирического знания над философией, которое могло бы быть использовано для совершенствования американского общества. В связи с этим социология виделась наукой, способной не только к сбору и анализу социальных фактов, но и к решению собственно социальных проблем. Сторонники прагматизма вообще не стремились к поиску и обоснованию окончательных истин. Скорее, их интересовали практические научные положения, которые могли бы активно изменять к лучшему сегодняшний мир. Мид подчеркивал, что его особо интересует практическая сторона того, как общество воздействует на умственные процессы индивидов и, соответственно, их поведение, а также то, как люди принимают, отвергают или изменяют нормы социального взаимодействия. Наконец ещё одним источником следует назвать гегелевскую диалектику, инструментарием которой ученый прекрасно овладел, обучаясь в Германии.

Для Мида на характер взаимодействия людей оказывают влияние как общество, прежде всего социальная группа, так и ментальность взаимодействующих. При этом действия социальной группы социолог считал новым качеством, несводимым к простому количеству действий отдельных членов данной группы.

По мнению современных социологов П. Бергера и Т. Лукмана, Мид предложил оригинальную диалектическую теорию соразвития индивидов и общества. Благодаря конфликтам между «Ме» и «I», а также между самостями и обществом осуществляется развитие мира к свободной, открытой и совершенной коммуникации.

Мид в жизни был весьма конфликтным человеком, особенно в отношении руководства университета, в котором работал. Некоторые полагают, что именно затяжные конфликты привели ученого на больничную койку. Из больницы он направляет разгневанное прошение о своей отставке. На следующий день после выписки из больницы Мид умер от сердечного приступа. Это случилось 26 апреля 1931 г.

МИД ДЖ. ОТ ЖЕСТА К СИМВОЛУ*

<...> Более или менее бессознательно мы видим себя так, как видят нас другие. Мы бессознательно обращаемся к себе так, как обращаются к нам другие: таким же образом, как воробей подхватывает напев канарейки, мы производим отбор окружающих нас диалектов. Разумеется, эти особые отклики должны иметься в нашем собственном (психическом) аппарате. Мы вызываем в другом нечто такое, что мы вызываем в себе самих, так что бессознательно мы переносим эти установки. Мы бессознательно ставим себя на место других и действуем так, как действуют другие. Я хочу просто выделить здесь некий всеобщий механизм, потому что он обладает фундаментальным значением для развития того, что мы называем самосознанием и возникновением самости. Мы постоянно, особенно благодаря использованию голосовых жестов, пробуждаем в себе те отклики, которые мы вызываем в других, так что мы перенимаем установки других, включая их в свое собственное поведение. Решающее значение языка для развития человеческого сознания заключается в том, что этот стимул обладает способностью воздействовать на говорящего индивида так, как он воздействует на другого <...>.

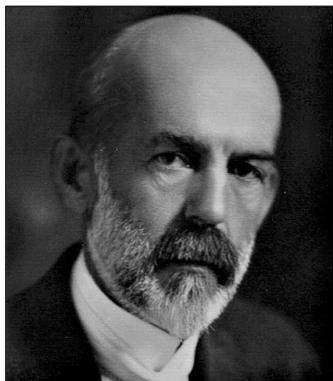
<...>...Мы говорим, что животное не думает. Оно не ставит себя на позицию, за которую оно было бы ответственным; оно не ставит себя на позицию другого индивида и не говорит в результате: «Он будет действовать так-то, а я буду действовать так-то». Если индивид может действовать подобным образом и установка, которую он вызывает в самом себе, становится стимулом для него к совершению другого действия, мы имеем дело с осмысленным поведением <...>.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Чарльз Хортон Кули (17 августа 1864 г. – 8 мая 1929 г.) родился в семье профессора права Мичиганского университета, который также являлся практикующим судьей. Кули – представитель первого поколения американских социологов, выпускник Мичиганского университета,

*Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 217, 220.

в котором в 1894 г. защитил докторскую диссертацию, став профессором этого же университета. Мировая социологическая мысль ценит Кули прежде всего за его теорию «зеркального Я», в которой ученый стремился преодолеть противопоставления индивида и общества. В ней социолог исходит из постулата, что общество формирует индивидов, а индивиды, в свою очередь, конструируют общество. Кули ввел понятие малых, первичных групп (семья, соседство, местные общины) и вторичных общественных институтов. Его основные работы: «Человеческая природа и социальный порядок», «Социальная организация», «Социальный процесс». Умер Ч. Х. Кули 8 мая 1929 г.

КУЛИ Ч. Х. СОЦИАЛЬНАЯ САМОСТЬ*

<...> В весьма обширном и интересном разряде случаев социальное отношение принимает форму довольно определенного мысленного образа того, как самость человека, т. е. любая присваиваемая им идея, проявляется в каком-то отдельном сознании, и самоощущение человека определяется отношением к ощущению его самости, приписываемому этому другому сознанию. Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной самостью: Наша общая судьба – Другим быть словно зеркала.

Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимая в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это самым различным образом на нас воздействует.

Самопредставление такого рода, очевидно, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и какое-то самоощущение, например, гордость или унижение. Сравнение с зеркалом едва ли предполагает второй элемент – воображаемое суждение, который является весьма существенным. К гордости или стыду нас толкает не просто наше механическое отражение, но некое вымышленное мнение, воображаемое воздействие этого

*Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 320–321.

отражения на сознание другого человека. Это явствует из того факта, что характер и влияние этого другого, в чьем сознании мы видим себя, существенным образом определяют различия нашего самоощущения. Мы стыдимся показаться уклончивыми в присутствии прямодушного человека, трусливыми – в присутствии храброго, грубыми – в глазах человека с утонченными манерами и т. д. Мы всегда воображаем и, воображая, разделяем суждения другого сознания. Перед одним человек станет хвалиться таким своим поступком – скажем, ловкой торговой сделкой, – о котором ему будет стыдно рассказать другому.

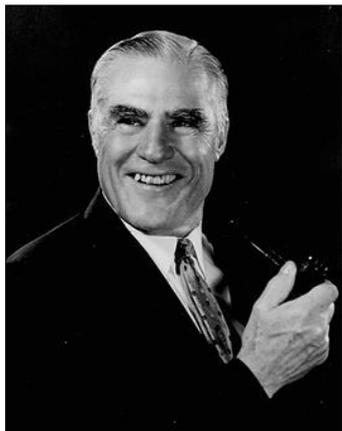
Как мы предположили ранее, самоощущение можно рассматривать как в известном смысле антитезу, или, скорее, как дополнение той бескорыстной и созерцательной любви, которая имеет тенденцию стирать ощущение какой-то отличающейся индивидуальности. Любовь такого рода не предполагает никаких границ, она есть то, что мы ощущаем, когда наше сознание расширяется и усваивает новый неопределенный опыт, тогда как самоощущение сопровождает присвоение, ограничение и отстаивание какой-то определенной части опыта; первая побуждает нас принимать жизнь, а второе – индивидуализировать ее. Самость с этой точки зрения можно рассматривать как своего рода цитадель сознания, укрепленную снаружи и хранящую отборные сокровища внутри, в то время как любовь является безраздельным участием в жизни остальной вселенной. В здоровом сознании одно способствует росту другого: то, что мы любим сильно и в течение долгого времени, мы, скорее всего, вносим внутрь цитадели и утверждаем в качестве части нас самих. С другой стороны, только базируясь на прочной самости, личность способна проявлять постепенно возрастающие сочувствие и любовь <...>.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Герберт Блумер (7 марта 1900 г. – 13 апреля 1987 г.) родился в г. Сент-Луисе (штат Миссури), изучал социологию в Чикагском университете. В 1925–1952 гг. преподавал в Чикагском университете, с 1952 г. – в Калифорнийском университете (Беркли). Здесь он работал сначала профессором и руководителем кафедры, а с 1959 г. – директором Института социальных наук, был одновременно президентом Американской социологической ассоциации и Общества изучения социальных проблем. С 1942 по 1953 г. – редактор журнала «American Journal of Sociology». Будучи представителем чикагской школы, Блумер опирался на работы Ч. Кули, Дж. Дьюи, У. Томаса, став учеником и последователем Дж. Мида. Именно Блумеру социологическая наука обязана введением в научный оборот термина «символический интеракционизм». Основные работы Блумера: «Символический интеракционизм», «Коллективное поведение»,

«Символическая интеракция: парадигма и метод», «Индустриализация как агент социального изменения» и др.

С точки зрения Блумера, символический интеракционизм покоится на трех базовых посылах, сформулированных им в первой главе одной

из главных работ – «Символический интеракционизм: перспектива и метод» (1969): 1. Люди скорее действуют на основе значений, которые они придают предметам и событиям, чем просто реагируют на внешние или внутренние стимулы. 2. Значения являются не столько фиксированными, сколько в определенной степени создаются, модифицируются, развиваются и изменяются в интеракционных ситуациях. 3. Значения являются результатом интерпретаций, которые были осуществлены в интеракционных контекстах. Принимая роль другого, участники процесса интерпретируют значения и намерения других.

Так, значения, которые определяют действие, вытекают из контекста интеракции: в большинстве ситуаций, в которых люди общаются друг с другом, они уже заранее имеют представления, как себя вести и как будут действовать другие. Рассматривая символическое взаимодействие как процесс интеракции, Блумер подчеркивает возможность применения этого понятия к характеристике деятельности (действий) отдельного индивида, что может быть достигнуто с помощью обычного эмпирического наблюдения.

Г. БЛУМЕР. КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ*

Сфера коллективного поведения. Термин «коллективное поведение». Природа коллективного поведения предполагает рассмотрение таких явлений, как толпы, сборища, панические настроения, мании, танцевальные помешательства, стихийные массовые движения, массовое поведение, общественное мнение, пропаганда, мода, увлечения, социальные движения, революции и реформы. Социологи всегда интересовались этими явлениями, но только в последние годы были предприняты попытки сгруппировать их в единый раздел социологии и рассмотреть в качестве различных выражений одних и тех же основополагающих факторов. Термин «коллективное поведение» употребляется для обозначения этой сферы интересов социологии.

*Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 168–169, 184–186.

Групповая активность как коллективное поведение. С определенной точки зрения практически всякая групповая активность может мыслиться как коллективное поведение. Групповая активность означает, что индивиды действуют вместе определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения. В этом смысле групповая активность является коллективным делом. <...>

<...> Таким образом, могут быть высказаны два положения: во-первых, подавляющее большинство случаев коллективного поведения людей объясняется их общими ожиданиями и пониманием; во-вторых, значительная доля социологической сферы исследования посвящена изучению подобного коллективного поведения. Когда социолог изучает обычаи, предания, игровые традиции, нравы, институты и социальную организацию, он имеет дело с социальными правилами и остальными детерминантами, посредством которых формируется коллективное поведение. <...>

<...> *Масса.* Мы выбираем термин «масса» для обозначения другого элементарного и спонтанного коллективного группирования, которое во многих отношениях схоже с толпой, однако коренным образом отличается от нее в других отношениях. Масса представлена людьми, участвующими в массовом поведении, такими, например, которые возбуждены каким-то событием национального масштаба, или участвуют в земельном буме, или интересуются каким-либо судебным разбирательством по делу об убийстве, отчеты о котором публикуются в прессе, или участвуют в какой-то крупномасштабной миграции.

Отличительные черты массы. Понимаемая подобным образом, масса имеет ряд отличительных черт. Во-первых, ее члены могут занимать самое различное общественное положение, происходить из всевозможных слоев общества; она может включать людей, занимающих самые различные классовые позиции, отличающихся друг от друга по профессиональному признаку, культурному уровню и материальному положению. Это можно наблюдать на примере массы людей, следящей за судебным разбирательством по делу об убийстве. Во-вторых, масса является анонимной группой, или, точнее, состоит из анонимных индивидов. В-третьих, между членами массы почти нет взаимодействия и обмена переживанием. Обычно они физически отделены друг от друга и, будучи анонимными, не имеют возможности толочья, как это делают люди в толпе. В-четвертых, масса имеет очень рыхлую организацию и не способна действовать с теми согласованностью и единством, которые отличают толпу. <...>

<...> Объект массового интереса может мыслиться как отвлекающий внимание людей от их локальных культур и сфер жизни и обращающий его на более широкое пространство, на такие области, на которые распространяются правила, регулятивы или ожидания. В этом смысле

масса может рассматриваться как нечто, состоящее из обособленных и отчужденных индивидов, обращенных лицом к тем объектам или областям жизни, которые интересны, но сбивают с толку и которые нелегко понять и упорядочить. <...>

<...> Когда массовое поведение организуется, например, в какое-нибудь движение, оно перестает быть массовым поведением, но становится по природе своей общественным (societal). Вся его природа меняется, приобретая некую структуру, некую программу, некие определяющие традиции, предписанные правила, культуру, определенную внутригрупповую установку и определенное «мы – сознание». <...>

<...> В современных – городских и промышленных – условиях жизни массовое поведение вышло на первый план по росту своего масштаба и значения. Это в первую очередь обусловлено действием тех факторов, которые обособили людей от их локальных культур и локального группового окружения. Миграции, перемены местожительства, газеты, кино, радио, образование – все это способствовало тому, чтобы индивиды срывались с якорей своих традиций и бросались в новый, более широкий мир <...>.

ТЕМА 8. А. ШЮЦ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

1. *Основные положения феноменологической социологии А. Шюца.*
2. *«Социальное конструирование реальности» в социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана.*
3. *Основные принципы и задачи этнометодологии Г. Гарфинкеля.*

Ключевые слова: жизненный мир, повседневный мир, повседневность, социальный мир, социальная реальность, интуитивная среда, интересубъективность, интенциональность.

1. Альфред Шюц первым попытался применить философскую феноменологию для проникновения в социальный мир. Взгляды А. Шюца базировались на идеях У. Джемса, М. Вебера, Дж. Г. Мида, Э. Гуссерля и М. Шелера. Социолог критиковал позитивизм за неверное понимание природы социальных явлений, которую его представители приравнивали к природе естественных, т. е. природных явлений. Главное отличие, по А. Шюцу, состояло в том, что природные явления не имеют внутреннего смысла, тогда как социальные явления его имеют. А смысл этот придает социальным явлениям интерпретирующая деятельность человека. Отсюда – центральные понятия его феноменологической социологии: жизненный мир, повседневный мир (повседневность), социальный мир. Все названные понятия тождественны. В целом это мир, наполненный смыслом, который придают ему люди в повседневной жизни. Задача социологии – изучать не реальность мира, а те смыслы и значения, которые люди придают его объектам. По существу мы видим здесь определенную разновидность понимающей социологии.

В феноменологической социологии Шюца одним из центральных конструктов является «интенциональность», которая выступает сущностной характеристикой направленности целевого, мотивированного действия, а также сознания, выражая тот фундаментальный факт, что последнее всегда является сознанием чего-то, что объект сознания есть «подразумеваемый», всегда «значимый» для сознания.

Особый интерес представляет идея Шюца о смысловом строении социального мира. Это сделало возможным изучение экзистенциальной при-

роды социального мира. Благодаря тому, что социальный мир зависит от деятельности индивидов, он сохраняется и изменяется. Шюцем была предложена идея типизации, согласно которой мир представляется человеку как определенный набор типических процессов, обеспечивающих как повседневную жизнь людей, так и их научно-теоретическую деятельность. Акцентируя внимание на способности человека воспринимать действия других людей, ученый указывал на новые возможности социологии познания. В связи с этим Шюц утверждал, что используемый в повседневной жизни людей язык служит вместилищем заранее сформированных социальных по происхождению типов и характеристик. Согласно его мнению, словарь и синтаксис повседневного языка выступают как неисчерпаемый источник сведений о социальной реальности и открывают перед социологом широкий круг познания новых явлений.

Таким образом, опираясь на свою теорию, Шюц исследовал структуры мотивов социального действия, формы и методы обыденного сознания, структуру человеческого общения, социального восприятия, а также проблемы методологии и процедуры социального познания.

Положения феноменологической социологии Шюца были восприняты двумя социологическими школами. Первую из них – школу феноменологической социологии знания – возглавили Питер Бергер и Томас Лукман, вторую, получившую название «этнометодология», – Гарольд Гарфинкель.

2. П. Бергер и Т. Лукман выступают основателями социального конструктивизма. Они разрабатывали проблематику феноменологической социологии знания – дисциплины, основы которой были заложены М. Шелером, развиты К. Мангеймом, Р. Мертоном, Т. Парсонсом, Т. Гейгером, В. Старком и др. Предметами этой дисциплины выступают «возникновение и функционирование различных форм мышления и знания в том или ином социально-культурном контексте. К этим формам относятся религиозные и философские учения, научные теории, политические идеологии, художественные произведения и стили искусства и т. д.»¹. Однако Бергер и Лукман, по нашему мнению, несколько иначе видят содержание и задачи социологии знания. В соответствии с исходными идеями социального конструктивизма, важно раскрыть предпосылки и способы построения людьми социальной реальности, в основании чего должна лежать их рецепция реальности. Пространство рецепций и их субъективная интерпретация, согласно феноменологии естественной установки, формируются в процессе социального интерсубъективного взаимодействия в предельно широком пространстве жизненного мира. Находясь под влиянием идей Шюца, Бергер и Лукман выделяли среди множества реальностей одну как наиболее

¹Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 54.

значимую – реальность повседневной жизни. Она представляется как интересубъективный мир, т. е. мир, который человек разделяет с другими людьми. В этом мире господствует повседневное знание, т. е. знание, которое человек разделяет с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни. Ее реальность, считают социологи, конструируется интересубъективным человеческим сознанием. Поэтому вопрос о качественном различии между объективной и субъективной реальностью повседневной жизни, но существу, снимается.

3. В понимании **Гарольда Гарфинкеля** этнометодология предлагает приемы выяснения структур повседневности и, таким образом, дает возможность анализировать практические действия людей. Задачу этнометодологии ученый видел в выявлении смысла социальных действий посредством обращения к их рациональным основаниям. Для него было важным определить рациональные элементы в социальном поведении, чтобы потом перейти к их эмпирическому анализу. Поэтому этнометодолог должен сделать объектом социологического анализа структуры повседневной деятельности, изучая их изнутри «жизненного мира».

В отличие от Шюца, для которого интересубъективность составляет априорное свойство жизненного мира, Гарфинкель объяснял этот процесс как конструирование взаимодействий индивидов в каждом конкретном случае. Согласно его концепции, никто не может вступить в отношения с социальным миром иначе, чем с помощью средств обыденного практического мышления. Поэтому все объяснения или просто разговоры – это лишь наброски, понимание смысла которых зависит от способности собеседников мысленно восстанавливать целое.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Альфред Шюц (13 апреля 1899 г. – 20 мая 1959 г.) в течение своей жизни не был широко известным социологом. Только после смерти его работы привлекли интерес и внимание большого количества социологов. Научная, социологическая карьера А. Шюца была необычной. Родившись в Вене, он получил академическое образование в Венском университете.

Вскоре после его окончания начал работать в банке, и почти вся последующая жизненная карьера оказалась тесно связанной с работой в качестве банкира. Эта деятельность, удовлетворяя в экономическом и финансовом отношениях, не приносила глубо-

кого внутреннего, смысложизненного удовлетворения, которое давали ему занятия феноменологической социологией.

В 1932 г. Шюц опубликовал на немецком языке свою наиболее важную работу «Феноменология социального мира», которая многие годы оставалась неизвестной широкому кругу социологов. Лишь спустя 35 лет, в 1967 г., уже после смерти социолога, она была переведена на английский язык и вызвала значительный спрос и интерес.

В 1939 г. Шюц эмигрировал сначала в Париж, а затем в США, где делил время между работой консультантом ряда банков и преподаванием феноменологической социологии. Последним он стал заниматься лишь с 1943 г. в Нью-Йорке, где начал читать курс в Новой школе социальных исследований. Его «двойная» карьера продолжалась вплоть до 1956 г., когда он окончательно отошел от банковских забот и весь сосредоточился только на занятиях феноменологической социологией.

ШЮЦ А. ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ И ТЕОРИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ*

<...> Общественные науки – идиографические, характеризуются индивидуализирующей концептуализацией; нацелены на единичные ассерторические утверждения, в то время как естественные науки – номотетические, характеризуются генерализирующей концептуацией и нацелены на общие аподиктические утверждения. Последние должны иметь дело с постоянными отношениями величин, которые могут быть измерены и подтверждены экспериментально, тогда как ни измерение, ни эксперимент не осуществимы в общественных науках. Вообще считается, что естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, а общественные науки – с психологическими и интеллектуальными и, следовательно, метод первых заключается в объяснении, а метод последних – в понимании.

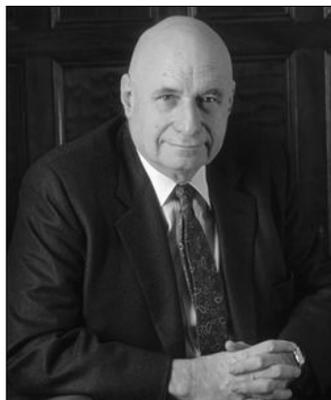
Основная задача общественных наук – получать упорядоченное знание социальной реальности. Под термином «социальная реальность» я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции. Это мир культурных объектов, социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения.

*Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль : Тексты / под ред. В. И. Добренькова. URL: <http://soc.lib.ru> (дата обращения: 10.05.2019).

С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, – и мир природы, и мир культуры – не как субъективный, а как intersubъективный мир, т. е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык <...>.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Питер Людвиг Бергер (17 марта 1929 г. – 27 июня 2017 г.) – австро-американский социолог, ведущий представитель феноменологической социологии знания. Проведя школьные годы в Вене, П. Бергер в 1946 г., после непродолжительного обучения в Лондонском университете, эмигрировал в США, где через пять лет получил гражданство.

Учился в Нью-Йорке, в Новой школе социальных исследований у А. Шюца, в 1954 г. получил степень доктора философии. В 1950–1960-х гг. преподавал в ряде американских университетов и колледжей, был директором Института церкви и общины. Написал ряд ярких работ по социологии религии (в частности «Шум торжественных ассамблей» и «Двусмысленное видение»). Затем появилась книга «Приглашение в социологию» (на русский язык переведена в 1996 г.), быстро ставшая очень популярной. В этой книге предметом социологии выступает взаимосвязь между «человеком в обществе» и «обществом в человеке».

В 1960-е гг. начинается его многолетняя творческая дружба с Т. Лукманом. Общие интересы обоих социологов касались как феноменологической социологии знания, так и социологии религии.

В 1981–2009 гг. Бергер находился в должности профессора социологии и теологии в Бостонском университете. В 1985–2010 гг. руководил созданным им Институтом исследования экономической культуры, который был преобразован в Институт культуры, религии и мировых проблем и в настоящее время входит в состав Школы глобалистики Фредерика С. Парди Бостонского университета.

Томас Лукман (14 октября 1927 г. – 10 мая 2016 г.) – немецкий социолог словенского происхождения, представитель феноменологической школы в социологии и социально-конструктивистского направления в социальных науках.

Т. Лукман родился в Есенице (Словения). Его отец был австрийским промышленником, а мать была из словенской семьи из Любляны. Со сто-

роны матери Томас был двоюродным братом словенского поэта Божо Водушека. Лукман вырос в двуязычной среде, разговаривая на словенском

и немецком языках. В 1945 г. он вместе с матерью эмигрировал в Австрию, где изучал философию, немецкую филологию, романскую лингвистику и литературу, сравнительную лингвистику и психологию в университетах Вены и Инсбрука. В 1950 г. переехал в Соединённые Штаты Америки. С 1951 по 1953 г. учился в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, в частности у А. Шюца, К. Майера, К. Лёвита. Во второй половине 1950-х гг. преподавал в Хобартском колледже, в первой половине 1960-х – в Новой школе социальных исследований. В 1965 г. вернулся в Европу по приглашению Франкфуртско-

го университета, где возглавил отделение социологии. В 1970 г. перешёл в Университет Констанца, где занимал пост профессора социологии до своей отставки и выхода на пенсию в 1994 г. Ушёл из жизни 10 мая 2016 г.

Т. Лукман – один из известнейших социологов мира, автор многих работ по социологии повседневности, социологии морали, социологии языка и общения, наиболее известными из которых стали книги «Проблема религии в современном обществе» (1963), «Социальное конструирование реальности» (совместно с П. Бергером, 1966), «Структуры жизненного мира» (совместно с А. Шюцем, 1982).

БЕРГЕР П., ЛУКМАН Т. СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ. ТРАКТАТ ПО СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ*

<...> Знание – есть уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками. Знание, таким образом, изначально – зона субъективного. Реальность есть качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимо от нашей воли и желания (мы не можем «от них отделаться»). Что «реально» для тибетского монаха, не может быть «реальным» для американского бизнесмена. «Знание» преступника отличается от «знания» криминалиста. Иначе говоря, объективность – не более чем черта, которую фиксирует в отношении

*Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. С. 319.

реальности познающий субъект, и можно сказать, что и объективность субъективна <...>.

<...> Концепция социологии знания предполагает специфическую концепцию социологии в целом. Ею не подразумевается, будто социология не является наукой, а ее методы не должны быть эмпирическими, что она не может быть «свободной от оценок». Предполагается, что социология есть одна из наук, которые имеют дело с человеком как человеком, иначе говоря, в этом особом смысле социология является гуманистической дисциплиной. Важным последствием этой концепции будет то, что социология должна либо находиться в постоянном диалоге с историей и с философией, либо утратить собственный объект исследования. Этим объектом является общество, как часть человеческого мира, как созданное людьми, ими населенное и в свою очередь создающее людей в непрерывном историческом процессе. Не последней заслугой гуманистической социологии можно считать то, что она пробуждает наше чувство изумления перед лицом этого поразительного феномена <...>.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Гарольд Гарфинкель (29 октября 1917 г. – 21 апреля 2011 г.) – американский социолог и основатель теоретического и специального подхода – этнометодологии. Родился в Нью-Джерси в семье бизнесмена, занимавшегося продажей домашней утвари семьям иммигрантов.

По окончании экономического колледжа в 1935 г. Гарольд поступает в университет Северной Каролины, где занимается изучением социологии, и в 1942 г. защищает магистерскую диссертацию. После службы в армии с 1946 по 1952 г. Гарфинкель обучался на кафедре социальных отношений в Гарварде под руководством Т. Парсонса. Однако в то время как Парсонс подчеркивал важность абстрактных теоретических исследований, Гарфинкель больше тяготел к эмпирическим исследованиям, особенно социальным взаимодействиям, которые не осознаются самими участниками. Его интерес подогревался ещё и участием в двухгодичном исследовании лидерства в замкнутых пространствах – самолетах и подводных лодках.

В 1952 г. Гарфинкель защитил докторскую диссертацию в Гарварде. Основоположник социологической школы, известной под названием «эт-

нометодология», Гарфинкель занимается анализом методов, используемых людьми в повседневной жизни для описания и осмысления своей деятельности. Его основным произведением является сборник эссе «Исследования по этнометодологии» (1967). Под влиянием А. Шюца Гарфинкель в данной работе утверждает, что традиционная социология пренебрегла изучением этнометодов (членских методов), которыми обладают рядовые члены общества и используют в обычном поведении.

ГАРФИНКЕЛЬ Г. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ*

<...> В социальных науках невозможно сосчитать все сферы, в которых имеют место обещанные различия и заменяемость. Обещанные различия и заменяемость поддерживаются огромными ресурсами, направленными на разработку способов серьезного анализа практических действий и практического мышления, и в свою очередь сами поддерживают их. Возможных сфер применения и преимуществ не счесть.

И тем не менее *всегда, когда предметом изучения становятся практические действия*, обещанное разграничение объективных и индексных выражений и замена вторых первыми остаются программными в каждом конкретном случае, в котором нужно продемонстрировать разграничение или заменяемость. Во всех реальных случаях без исключения будет указано, что требуется опытный исследователь, чтобы сказать, можно ли в данном конкретном случае сделать менее строгими термины демонстрации и тем не менее признать демонстрацию адекватной.

От логиков и лингвистов, участвующих в практически единодушном соглашении об этих условиях, мы знаем, что представляют собой некоторые из них. Для «длинных» текстов или для «длительных» действий, для событий, в которых действия индивидов являются характеристиками событий, происходящих в результате их действий, для всех случаев, когда знаки либо не используются, либо не годятся в качестве заместителей для индексных выражений, демонстрации, на которые претендует программа, удовлетворительны в качестве практического социального управления <...>.

*Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. С. 9.

ТЕМА 9. СОЦИОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА

1. *Постмодерн и потребность нового социологического знания.*
2. *Зигмунт Бауман о социологии постмодерна.*
3. *Социологические теории потребительского общества Жана Бодрийера.*

Ключевые слова: общество постмодерна, постмодернистская социология, функции постмодернистской социологии, потребительское общество, потребление, симулякры.

1. Социальные реалии XX–XXI веков отличаются быстрыми темпами изменения не только технологий, но и самих сообществ, что вносит в них качественное увеличение неопределенности, атомизации, диффузности, виртуальности, многовариантности, альтернативности норм, ценностей, практик, стилей жизни различных слоев населения. Эти характеристики «текущей современности» невозможно выявить и отразить традиционными социологическими методами с их линейным детерминизмом. В ответ на этот вызов времени появилась концепция постмодернизма, включающая не только микросоциологические (постструктуралистские, этнометодологические, конструктивистские и прочие) методы, но и инструментарий других гуманитарных (антропологических, культурологических, синергетических, этнографических, лингвистических, семиотических и иных) наук, их знаковых, символических систем, как регуляторов социальных практик людей.

Основные специфические характеристики общества постмодерна:

- замена культурных универсалий плюрализмом культур, распространяющихся на традиции, идеологии, формы и стили жизни;
- постоянная anomia, изменение многовариантных образов жизни;
- отсутствие каких-либо властных универсалий;
- доминирование средств массовой информации и их продуктов;
- замена основной реальности виртуальными образами, символами;
- размывание ценностей и норм, которые становятся амбивалентными, противоречивыми, неустойчивыми;
- порядок в социуме теряет признаки рациональности в силу снижения роли общественного контроля;

- мораль из общественной трансформируется в этическую систему межличностного взаимодействия «быть для другого»;
- приоритет индивидуализма над интересами общества;
- появление возможности для индивидов выхода за пределы влияния социальных структур как условие реализации их интеллектуального потенциала независимо от происхождения.

Наибольший вклад в изучение общества постмодерна внесли З. Бауман и Ж. Бодрийяр.

2. В отличие от классических и современных социологических теорий, нацеленных на выявление истины, на представление целостного знания о сущностных связях определенной области действительности, теории постмодерна по духу релятивистские. Они открыты не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Их главная цель – найти не исчерпывающие ответы, а выявить характерные тенденции современного общественного развития. Исходя из этого, как писал основатель и классик постмодернизма **Зигмунт Бауман** в работе «Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов»¹, полипарадигмальная сущность социологии должна сохраняться, преобразоваться, ориентироваться на мирное сосуществование концепций, так, чтобы каждая из них могла дополнять полученные результаты всех других теорий.

Акцент в предмете социологии смещается к искусству интерпретации. В модернистском обществе социолог-интеллектуал имеет больший доступ к знанию в сравнении с остальными. Поэтому его суждения, выводы, заключения имеют универсальную валидность («законодатель»), т. е. были авторитетными, правильными, значимыми и обязательными. Однако с позиций постмодернизма предназначение социолога-интеллектуала меняется. Он становится «интерпретатором». Цель социологии – не обеспечить «лучшие идеи», а обеспечить лучшую коммуникацию между автономными сообществами, предотвратить искажение в процессе коммуникации. При этом она толерантна, так как принимает естественные различия как данность. В работе «Мыслить социологически» (1990)² автор предлагает ответы на вопросы о функциях социологии для общества и личности, о том, как социология получает знания об обществе и чем оправдано ее существование, как она соотносится с повседневным опытом и здравым смыслом.

Предмет постмодернистской социологии по Бауману – сложная непредсказуемая система – потребительское общество. Это предполагает

¹Бауман З. Законодатели и толкователи : культура как идеология интеллектуалов / пер. с англ. С. Силаковой // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27). С. 5–20. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html> (дата обращения: 02.01.2019).

²Он же. Мыслить социологически : учеб. пособие / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова ; Ин-т «Открытое о-во». М. : Аспект-Пресс, 1996. 255 с.

изучение разнообразных агентов, которые практически не зависят друг от друга и в целях достижения своих, свободно выбираемых целей стремятся преодолеть централизованный контроль. По сути, изучению подлежит хаотическое пространство и неопределенность, состояние беспокойства, в котором оказываются интерпретаторы интеллектуалы / социологи. При этом идентичность агентов постоянно изменяется, но не развивается в определенно ясном направлении. Поэтому социологическое исследование призвано изучать механизмы обретения этой идентичности, или выбора вектора ее изменений, если ранее избранная идентичность потеряла ценность. Социология постмодерна изучает также то, как люди относятся к своему телу, под воздействием внешних институтов или внутреннего ощущения свободы.

Важным аспектом изучения выступают связь и распады связей агентов, а также выборы их временного объединения, распадов связей, о чем свидетельствуют символические признаки, которые в условиях неопределенности / определенности выражают ту или иную степень значимости для определенных категорий агентов.

3. По Бодрийяру, постмодернизм – эпоха тотальной симуляции. В ситуации постмодернистского общества реальность превращается в модель, противопоставление между действительностью и знаками стирается, все превращается в симулякр – копию, изображающую что-то, либо вовсе не имевшее оригинала в реальности, либо со временем его утратившее.

Уже в ранних работах («Система вещей», 1968³; «Общество потребления», 1970⁴), написанных отчасти под влиянием марксизма, **Жан Бодрийяр** анализировал сформировавшееся на Западе общество потребления и выявил, что его объектами являются не только вещи (товар), но и их знаки, символы, которые мифологизируют потребление по принципу «ты есть то, что потребляешь». Это становится фундаментальным измерением социальности современного социума. Вслед за структуралистами Бодрийяр акцентировал внимание на потребительстве через призму его смысла, когда предметы потребления являются частью знаковой системы, осуществляющей контроль как над предметами, так и индивидами общества. «Потребление... – пишет Бодрийяр, – является систематическим актом манипуляции знаками... чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком»⁵. На основе этого суждения социологом делается далеко идущий вывод, подтверждающий постулат о «конце социального»: люди перестают различаться по социальному происхождению

³Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопроводит. ст. С. Зенкина. М. : РУДОМИНО, 2001. 95 с.

⁴Он же. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика, 2006, 68 с.

⁵Там же. С. 3.

или положению. Основой их дифференциации становятся потребляемые ими знаки. Более того, через потребление конкретных знаков индивиды интегрируются с теми, кто потребляет сходные знаки, и, напротив, становятся отличным от тех людей, кто данные знаки не потребляют. Таким образом, в обществе постмодерна именно код референтной категории населения контролирует, какие предметы и услуги люди потребляют. Они не свободны в потреблении, этот код ограничивает их свободу, контролирует и принуждает их делать те или иные покупки. Индивиды начинают потреблять товары, потому что они являются символами престижа, власти, благополучия, служат дифференционными знаками, свидетельствующими о принадлежности к конкретной социальной группе.

По мнению Бодрийера, символический обмен стал основополагающей универсалией современного потребительского общества. Он практически ничем не ограничен. Следовательно, отмирают традиционные рамки и социальные роли, что провоцирует разрушение социальных правил, регулировавших межличностные взаимоотношения. Поэтому в потребительском постмодернистском обществе сила эффективности контроля со стороны потребительского кода оказалась куда большей, чем сила ранее известных социальных движений.

Но сам код также контролируется, и прежде всего средствами массовой информации. В итоге разрушается и отмирает связь между символами и реальностью. Обмен между символами происходит относительно друг друга, но не между символами и реальностью. Так стирается грань между реальностью и вымыслом, между истиной и заблуждением. Симулякры выступают как знаки, приобретающие автономный смысл и вообще не соотношенные с реальностью. Они широко используются в коммуникативных процессах современного общества и воспринимаются людьми благодаря ассоциациям с конкретными объектами, явлениями, событиями.

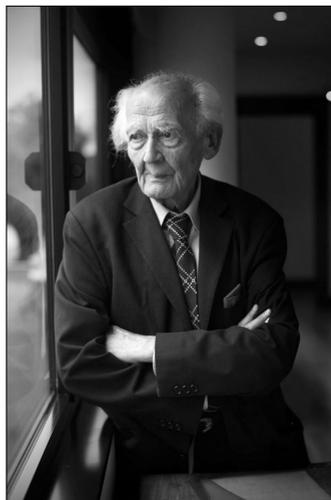
Символический обмен приводит к утверждению «гиперреальности». Под гиперреальностью Бодрийер понимает симуляции чего-либо. Гиперреальность более реальна, чем реальность. Она имеет дело с фрагментами или с видимостью реальности. Все социальные группы в итоге преобразуются в «единую огромную симулируемую массу». «Революция нашего времени есть революция неопределенности». Её результатом является то, что индивиды индифферентны относительно времени и пространства, политики и труда, культуры и секса и т. д. Следовательно, происходит конец социального, растворение класса, этноса в недифференцированной массе, которая мыслится как статистическая категория, а не социальная общность.

Не случайно многие социологи относят работы Бодрийера к научной социологической фантастике, в которой нарочито утрируются реальные тенденции и при этом исследуется, каким может быть будущее, ес-

ли люди не вмешаются в нынешний ход жизненных процессов. Причем Бодрийяр дает новую трактовку старых понятий с помощью афоризмов и даже стихов, анекдотов. Такова форма теории постмодерна, таков её научный инструментарий.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Зигмунт Бауман (19 ноября 1925 г. (Познань, Польша) – 9 января 2017 г. (Лидс, Великобритания)) – польско-британский социолог, профессор Лидского университета. В годы Второй мировой войны его семья эвакуировалась в СССР, где он окончил МГУ имени М. В. Ломоносова. Будучи коммунистом, Бауман воевал в составе Армии Людовой. После войны вернулся в Польшу и начал учиться социологии и философии. С 1954 по 1968 г. он постоянно работал в Варшавском университете. Стажировался в Лондонской школе экономики под научным руководством Роберта Маккензи. Особенности позиции, а также набирающий силу государственный антисемитизм привели к ограничениям на академическую карьеру, а затем и к вынужденной эмиграции (вместе с большинством оставшегося еврейского населения ПНР). В 1968–1971 гг. Бауман работал в университетах Тель-Авива и Хайфы.

С 1971 г. – профессор Университета Лидса. Работая в Великобритании, Зигмунт Бауман, уже в качестве мыслителя-постмодерниста, обрёл мировое признание, оказывая значительное влияние на мировую социологию, философию и культурологию. Бауман награжден Европейской премией Амальфи по социологии и социальным наукам (1990) и премией Теодора Адорно (1998). В сентябре 2010 г. Университет Лидса создал Институт З. Баумана.

БАУМАН З. МЫСЛИТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИ*

<...> То, что отличает социологию и придает ей особый характер, – это привычка рассматривать человеческие действия как элементы более широких структур, т. е. отнюдь не случайных совокупностей действующих

*Бауман З. Мыслить социологически : учеб. пособие / пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова ; Ин-т «Открытое о-во». М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 5–12.

лиц, замкнутых в сети взаимной зависимости (зависимость же есть состояние, при котором вероятность того, что действие будет предпринято, как и вероятность успеха этого действия, меняются в соответствии с тем, что представляют собой другие действующие лица, что они делают или могут сделать). Все это... составляет особую область социологического анализа и позволяет определить социологию как относительно самостоятельную отрасль гуманитарных и социальных наук. Итак мы можем заключить, что социология является первым и основным *способом осмысления* человеческого мира <...> (с. 5).

Вероятно, социология более, чем другие отрасли науки, обнаруживает свою связь со здравым смыслом (с этим богатым, хотя и неорганизованным, несистематическим, зачастую не передаваемым словами знанием, которым мы пользуемся в нашей обыденной жизни), чреватую существенными для ее существования и практики проблемами.

<...> Опыт, поставляющий данные для социологических открытий, которые затем ложатся в основу социологического знания, – это опыт обычных людей в их обычной, повседневной жизни; опыт, доступный в принципе (хотя на практике и не всегда) каждому; опыт, который до того, как попасть в магический кристалл социолога, был уже пережит кем-то – не социологом, человеком, не обученным социологическому языку и не умеющим смотреть на вещи с социологической точки зрения. В конце концов, мы все живем в окружении других людей и взаимодействуем друг с другом. ... Для того чтобы жить в сообществе с другими людьми, нам нужно многое знать; «здравый смысл» и есть название этому знанию. Глубоко погруженные в повседневную обыденность, мы едва ли когда-нибудь останавливаемся, чтобы осмыслить пройденное нами; еще реже бывает у нас возможность сравнить наш личный опыт с судьбой других людей, увидеть *социальное* в *индивидуальном*, *общее* в *частном*; именно это и делают для нас социологи. Нам нужно, чтобы они показали, как наши индивидуальные *биографии* переплетаются с *историей*, которую мы разделяем с другими людьми <...> (с. 6–7).

<...> Изучаемые социологами человеческие действия и взаимодействия уже были названы и обдуманы, пусть недостаточно связно и внятно, самими действующими лицами: ещё до того, как социолог приступил к их изучению... Для социологии (если она хочет ощущать себя наукой) как упорядоченной совокупности знаний так важно провести границу между собственно социологическим знанием и здравым смыслом, всегда содержащим социологические идеи. Вот почему социологи уделяют этому гораздо больше внимания, чем другие ученые. <...> (с. 7–8).

Мы можем отметить по меньшей мере четыре изначальных отличия социологии от здравого смысла (нашего с вами «сырого» знания жизни) по их отношению к общей для них сфере – человеческому опыту. Начнем

с того, что в отличие от здравого смысла социология пытается подчиняться строгим правилам **ответственных высказываний**, которые считаются атрибутом науки (в отличие от других, по общему мнению, более свободных и менее бдительно контролирующихся себя форм знания). Это значит, что к социологам предъявляется требование очень четко различать высказывания, проверяемые доступным опытом, и высказывания, которые могут претендовать только на статус условного и непроверенного мнения, причем делать это различие так, чтобы оно было понятно каждому. <...>

<...> Второе отличие касается размеров **поля**, на котором собирается материал для суждений. Для большинства из нас, непрофессионалов, такое поле ограничено нашим собственным жизненным миром: тем, что мы делаем; людьми, с которыми мы общаемся; целями, которые мы перед собой ставим и которые, как мы полагаем, другие люди также ставят перед собой. <...>

В-третьих, социология и здравый смысл различаются тем, каким способом они придают смысл человеческой реальности; какими удовлетворяются объяснениями по поводу того, почему все устроено так, а не иначе. ... Мы полагаем, что за каждым событием, которое нам нравится, скрывается чья-то добрая воля, а за тем, которое нам не нравится, – чьи-то недобрые намерения <...> Социология противостоит такой персонифицированной точке зрения на мир: начиная свои исследования скорее с подобных образований (совокупности зависимостей), чем с индивидуальных действующих лиц и простых действий, она тем самым показывает, что общепринятая метафора преднамеренно действующего индивида не годится для объяснения человеческого мира, включая и наш собственный мир, всецело личный и частный от помыслов до деяний <...> (с. 8–9).

Наконец, давайте вспомним и то, что сила воздействия здравого смысла на способ нашего понимания мира и себя самих (иммунитет здравого смысла к сомнениям, его способность к самоутверждению) зависит от кажущейся самоочевидности его предписаний. Они «покоятся» на рутинной, монотонной природе повседневной жизни, которая «информирует» наш здравый смысл и, в свою очередь, «информируется» им. <...>

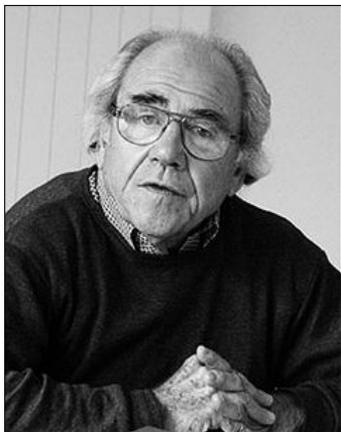
Обращаясь к нашему обыденному знанию и ставя его под сомнение, социология может подтолкнуть нас к переоценке нашего опыта, обнаружить еще очень много способов его интерпретации и в результате поможет нам стать более критичными, менее довольными таким положением вещей, каким оно сложилось сегодня или каким мы его себе представляем (или, скорее, поможет нам никогда не считать эти проблемы несуществующими). <...>

Искусство мыслить социологически может оказать каждому из нас самую важную услугу, а именно: сделать нас более *чуткими*; обострить наши чувства, шире раскрыть нам глаза, и тогда мы сможем исследовать

человеческие ситуации, остававшиеся для нас до сих пор не заметными. ... Социологическое мышление само по себе, можно сказать, по праву обладает собственной силой, именно *антизакрепляющей* силой. Оно возвращает гибкость миру, до сих пор подавляющему своей жесткостью, и представляет его отличным от того, каким он есть сейчас. Можно утверждать, что искусство социологического мышления ведет к увеличению объема и практической эффективности нашей с вами *свободы*. Индивидом, освоившим и применяющим это искусство, уже нельзя просто манипулировать; он сопротивляется насилию и регулированию извне, тем силам, с которыми, как до сих пор считалось, бесполезно бороться. <...>

Мыслить социологически – значит несколько больше понимать всех людей, окружающих нас, их пристрастия и мечты, их опасения и несчастья. Более того, мы сможем не только лучше понимать людей... Фактически социологическое мышление может сильно способствовать нашей общей солидарности, основанной на взаимопонимании и уважении. <...> Социологическое мышление может также помочь нам понять другие формы жизни, недоступные нашему непосредственному опыту и зачастую внедренные в наше обыденное знание в качестве стереотипов <...>.

СТРАНИЧКА БИОГРАФИИ

Жан Бодрийяр (27 июля 1929 г. (Реймс, Франция) – 6 марта 2007 г. (Париж, Франция)). Родился в семье служащего и был первым, кто получил систематическое филологическое образование. Изначально его печатные работы носили литературно-критический характер. В 1960-х гг. интересы сместились в сторону социологии. Он был профессором Парижского университета, преподавал в ведущих учебных заведениях США и Европы. Значительными работами Ж. Бодрийяра в области социологии стали «Система вещей» и «Общество потребления». Методология этих работ, посвященных анализу

общества потребления, испытала определённое влияние марксизма, от которого ученый впоследствии отходит. В работах «Символический обмен и смерть» (1976) и позже «Симулякры и симуляция» (1981) Бодрийяр развивает концепцию Марселя Мосса, полагая, что в основе социальных отношений лежит не производство, а дарение и обмен, когда вещи выступают в первую очередь символами взаимоотношений. Интересно, что в фильме «Матрица» Нео достает компьютерный диск из книги Жана

Бодрийяра «Симулякры и симуляция». Эта книга является популярной критической теорией, пытающейся объяснить, где «реальность», а где, собственно, ее образы, симуляции. С середины 1970-х гг. прошлого века в центре внимания Бодрийяра – исследование новых современных средств массовой информации и коммуникаций, осуществляющих распространение сведений о событиях в реальном времени. В книге «Войны в Заливе не было» он показал, что изображение события на телеэкране как бы заменяет собой реальность, делая излишним само событие.

БОДРИЙЯР Ж. ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ*

<...> Потребление – это система, которая обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы; оно является, следовательно, одновременно моралью (системой идеологических ценностей) и системой коммуникации, структурой отношений. Только при таком понимании... эта социальная функция и структурная организация выходит далеко за пределы уровня индивидов и влияет на них соответственно как бессознательное социальное принуждение <...> (с. 22).

<...> Потребление является... мощным элементом общественного контроля (в силу атомизации потребляющих индивидов), но именно поэтому оно влечет за собой необходимость все более сильного *бюрократического принуждения* в отношении процессов потребления, которое впоследствии будет все более энергично прославляться как *царство свободы* <...> (с. 24).

<...> Гаджет фактически определяется связанной с ним практикой, которая не принадлежит ни к утилитарному, ни к символическому типу, а представляет собой игровую деятельность. ... эра потребления, будучи историческим завершением всего процесса ускоренного производства под знаком капитала, является также эрой глубокого отчуждения. Логика товара распространяется, управляя сегодня не только процессами труда и производства материальных продуктов, она управляет всей культурой, сексуальностью, человеческими отношениями вплоть до индивидуальных фантазмов и импульсов. Всё охвачено этой логикой не только в том смысле, что все функции, потребности объективируются и манипулируются под знаком прибыли, но и в том более глубоком смысле, что все *делается спектаклем*, то есть представляется, производится, организуется в образы, в знаки, в потребляемые модели <...> (с. 61).

* Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика, 2006. 68 с.

БОДРИЙАР Ж. СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИЯ*

<...> Абстракция сегодня – это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта. Симуляция – это <...> порождение моделей, реального без первопричины и без реальности: <...> эра симуляции приоткрывается через ликвидацию всех референций – хуже того: через искусственное воскрешение их в системах знаков, материале еще более гибком, чем смысл, поскольку симулякр предлагает себя всяческим системам эквивалентности, всяческим бинарным оппозициям, всяческой комбинаторной алгебре. <...> Речь идет о субституции, замене реального знаками реального, то есть об операции по предупреждению любого реального процесса с помощью его оперативной копии, метастабильного механизма образов, запрограммированного и безупречного, который предоставляет все знаки реального <...>.

<...> Таковы последовательные фазы развития образа: он является отображением некой фундаментальной реальности; он маскирует и искажает фундаментальную реальность; он маскирует отсутствие фундаментальной реальности; он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде. В первом случае образ – положительное явление: репрезентация принадлежит к сакраментальному порядку. Во втором – негативное: порядка порчи. В третьем он играет роль явления и принадлежит к порядку колдовства. В четвертом случае он принадлежит отнюдь не к порядку явлений, но к симуляции. Переход от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего нет, обозначает решительный поворот. Если первые отсылают к теологии истины и тайны (к которой еще принадлежит идеология), то вторые возвещают эру симулякров и симуляции <...> (с. 2–3).

*Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : Рипол-классик, 2015. С. 2–15.

Содержание

Предисловие	3
<i>Тема 1.</i> Становление позитивистской социологии О. Конта	5
<i>Тема 2.</i> Эволюционная социология Герберта Спенсера	16
<i>Тема 3.</i> Система социологических взглядов Макса Вебера	27
<i>Тема 4.</i> Социологическое наследие Э. Дюркгейма	37
<i>Тема 5.</i> Зарождение и эволюция структурно-функциональной социологии	44
<i>Тема 6.</i> Творцы социологии элиты Г. Моска и В. Парето	59
<i>Тема 7.</i> Символический интеракционизм в западной социологической мысли. Теория Дж. Г. Мида	70
<i>Тема 8.</i> А. Шюц и феноменологическое направление в социологии	81
<i>Тема 9.</i> Социология постмодерна	89

Учебное издание

**ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Под редакцией *Д. В. Покатова*

Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Корректор *Т. К. Певная*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 5,81 (6,25). Тираж 100. Заказ № 49-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.